А. С. Пругавинъ.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЕ АРХІЕРЕИ

въ

СУЗДАЛЬСКОЙ КРѢПОСТИ.

Съ портретами епископовъ-узниковъ.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА", № 712,
вновь пересмотрѣнное.

1908.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименов. ул., с. д
МОСКВА—1908.

ОТЪ АВТОРА.

Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили офиціальныя данныя, извлеченныя мною изъ „секретныхъ дѣлъ“ разныхъ архивовъ, доступъ въ которые и до сихъ поръ обставленъ у насъ всевозможными затрудненіями, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть, такъ какъ многіе изъ этихъ архивовъ заключаютъ въ себѣ богатѣйшіе матеріалы относительно религіозныхъ, политическихъ и аграрныхъ движеній русскаго народа.

Позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ составилась эта брошюра и какими цензурными и полицейскими стѣсненіями сопровождалось въ свое время появленіе тѣхъ статей, которыя вошли теперь въ нее.

Во время пребыванія моего на Уралѣ въ 1882 году я получилъ возможность работать въ тамошнихъ архивахъ [1]), и благодаря этому мнѣ удалось ознакомиться съ секретными дѣлами, касавшимися уральскаго сектантства и старообрядчества. Пользуясь этими свѣдѣніями, я тогда же написалъ нѣсколько статей по вопросу объ уральскомъ старообрядчествѣ и сектантствѣ, въ томъ числѣ статью подъ заглавіемъ: „Старообрядческій епископъ Геннадій“, въ которой приво-

---

[1]) Главнымъ образомъ—въ архивѣ пермскаго губернскаго правленія и канцеляріи пермскаго губернатора.

дились свѣдѣнія о преслѣдованіяхъ этого епископа административными и полицейскими властями, объ его арестѣ и заключеніи въ суздальскую монастырскую тюрьму.

Статья эта была напечатана въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли“ за 1882 годъ, но, по требованію цензуры, книжка была задержана и статья моя вырѣзана изъ журнала и уничтожена. Чтобы имѣть возможность напечатать эту статью, я принужденъ былъ значительно передѣлать ее, т.-е. по возможности „смягчить“ и обезцвѣтить. Послѣ этой операціи статья была напечатана въ № 11-мъ „Историческаго Вѣстника“ за 1883 годъ, подъ названіемъ: „Одинъ изъ суздальскихъ узниковъ“.

Несмотря на вполнѣ спокойный, сдержанный и объективный тонъ какъ этой статьи, такъ и другихъ моихъ статей, появившихся тогда [1]) по вопросу объ уральскомъ сектантствѣ, тѣмъ не менѣе, однако, имъ суждено было вызвать немалый переполохъ въ административныхъ сферахъ. Министерскія и синодскія власти особенно были встревожены тѣмъ обстоятельствомъ, что статьи мои цѣликомъ были построены на „офиціальныхъ данныхъ“.

А такъ какъ вопросъ о расколѣ и сектантствѣ издавна считался въ бюрократическихъ сферахъ особенно важнымъ и особенно щекотливымъ, при чемъ вся переписка по этимъ вопросамъ всегда велась не иначе, какъ „совершенно секретно“ и „конфиденціально“, то поэтому власти были чрезвычайно обез-покоены вопросомъ: какъ и откуда я могъ получи[ть] для своихъ статей офиціальныя свѣдѣнія, составля[в]шія административный секретъ? И вотъ на Урал[ѣ]

---

[1]) Въ „Голосѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Старинѣ“ и т.

полетѣли грозные запросы на тему о томъ: кто разрѣшилъ? кто допустилъ? и т. д.

Оказалось, что виновнымъ въ разрѣшеніи былъ никто другой, какъ пермскій губернаторъ г. Енакіевъ, который если избѣжалъ отвѣтственности за „допущеніе" изслѣдователя сектантства къ секретнымъ дѣламъ, то только потому, что какъ разъ въ это время умеръ. Въ виду этого Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, сколько мнѣ извѣстно, ограничилось лишь изданіемъ особаго циркуляра, которымъ губернскимъ властямъ еще разъ строжайше подтверждалось объ обязанности ихъ хранить и оберегать административные секреты, въ родѣ дѣлъ по сектантству и расколу, отъ всякаго посторонняго глаза.

По отношенію же лично меня тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой еще осенью 1882 года счелъ необходимымъ учредить секретный полицейскій надзоръ за всѣми моими дѣйствіями по изслѣдованію на мѣстахъ русскаго сектантства. Съ этою цѣлью министерствомъ изданъ былъ „совершенно секретно" спеціальный циркуляръ къ губернаторамъ, которымъ предписывалось слѣдить за всѣми моими сношеніями съ сектантами. Въ свою очередь губернаторы, какъ водится, предписали о томъ же уѣзднымъ исправникамъ... [1]) Это, конечно, вынудило меня надолго прекратить свои изслѣдованія на мѣстахъ.

Много лѣтъ спустя послѣ этого, а именно въ началѣ текущаго десятилѣтія, мнѣ посчастливилось проникнуть, хотя и не вполнѣ легальнымъ образомъ, въ

---

[1]) Циркуляръ саратовскаго губернатора г. Зубова по этому поводу напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ журнала „Былое" за 1907 г. подъ названіемъ „Характерный документъ".

секретный архивъ Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря. Тутъ я нашелъ нѣсколько сотъ дѣлъ, касающихся заключенія въ суздальской монастырской тюрьмѣ различныхъ представителей сектантства и старообрядчества, въ томъ числѣ епископовъ: Геннадія, Алимпія и Конона, а также архіепископа Аркадія.

Пользуясь этими дѣлами, я написалъ рядъ статей въ „Правѣ“, а также очеркъ подъ названіемъ: „Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости“. Статьи въ „Правѣ“ проходили безъ особыхъ затрудненій со стороны цензуры; но когда общелитературные журналы пытались приводить на своихъ страницахъ извлеченія изъ этихъ статей,—цензура тотчасъ же вмѣшивалась въ это и накладывала свое veto. Такъ было, напримѣръ, съ журналомъ „Міръ Божій“, редакторъ котораго вызывался къ цензору за то, что допустилъ въ журналѣ перепечатку изъ моихъ статей въ „Правѣ“ о монастырскихъ тюрьмахъ. По требованію цензора перепечатка была исключена изъ журнала, и редактору было поставлено на видъ, что не дѣло свѣтскаго журнала вторгаться въ область религіи и мѣропріятій, принимаемыхъ духовнымъ вѣдомствомъ.

Провинціальныя газеты, чтобы избѣжать цензурныхъ придирокъ и репрессій, дѣлая перепечатки изъ моихъ статей въ „Правѣ“ о монастырскихъ заточеніяхъ, обыкновенно озаглавливали эти извлеченія такъ: „Изъ нашего прошлаго“ или „Изъ дальняго прошлаго“ и т. д., хотя въ этихъ перепечаткахъ шла рѣчь о фактахъ вполнѣ современныхъ, имѣвшихъ мѣсто въ самое послѣднее время, а именно въ первые годы текущаго десятилѣтія.

Зная все это, я былъ увѣренъ въ томъ, что очеркъ мой „Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣ-

пости", несмотря на всю его легальность и полную невинность въ политическомъ отношеніи, не можетъ появиться въ литературномъ журналѣ, а потому и передалъ его въ „Историческій Вѣстникъ". Но редакція этого журнала также не рѣшилась печатать этотъ очеркъ, прежде чѣмъ духовная цензура разсмотритъ его и разрѣшитъ къ печатанію. Вслѣдствіе этого очеркъ былъ посланъ редакціей въ духовную цензуру, съ просьбой сообщить, не встрѣтится ли съ ея стороны препятствій къ напечатанію этого очерка въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Историческаго Вѣстника". Духовная цензура пощипала очеркъ, пустивъ въ ходъ красный карандашъ, но въ концѣ концовъ все-таки соблаговолила разрѣшить печатаніе очерка въ журналѣ.

Въ № 8-мъ „Историческаго Вѣстника" за 1903 годъ очеркъ былъ напечатанъ, а затѣмъ изданъ отдѣльной брошюрой. Отпечатанная въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (1.500), брошюра эта разошлась въ теченіе первыхъ же двухъ-трехъ мѣсяцевъ настолько, что по истеченіи этого срока я уже ни въ одномъ магазинѣ Петербурга не могъ найти ни одного экземпляра.

Вслѣдъ затѣмъ обѣ названныя статьи, въ переработанномъ видѣ, вошли въ мою книгу: „Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка", вышедшую въ началѣ 1904 года въ изданіи товарищества И. Д. Сытина и К°. Для настоящаго изданія статьи вошедшія въ этотъ очеркъ, вновь пересмотрѣны, дополнены и снабжены иллюстраціями.

Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости.

Очеркъ изъ исторіи раскола по «секретнымъ дѣламъ» монастырскаго архива.

I.

„Мнимодуховныя лица" или арестанты подъ №№ 1, 2 и 3.

21-го октября 1854 года въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, находящійся въ городѣ Суздалѣ, Владимирской губерніи, два жандарма привезли изъ Москвы секретнаго арестанта вмѣстѣ съ письмомъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа А. А. Закревскаго, на имя настоятеля монастыря, архимандрита Іоакима.

Въ письмѣ этомъ графъ Закревскій писалъ: „Государь императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ взятыхъ въ турецкихъ владѣніяхъ и содержимыхъ теперь въ Москвѣ мнимодуховныхъ раскольническихъ лицъ — лжеархіепископа Аркадія и лжеепископа Алимпія заключить въ монастырь подъ строжайшій надзоръ, съ прекращеніемъ средствъ сообщаться съ раскольниками и вообще съ посторонними людьми, а г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, генералъ-адъютантъ графъ Протасовъ, сооб

Ворота, ведущія въ „Суздальскую крѣпость“.

щилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, что во исполненіе Высочайшей воли Святѣйшій Синодъ постановилъ заключить ихъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, впредь до возможности помѣстить ихъ въ разные монастыри; при чемъ вмѣнено преосвященному владимирскому въ обязанность, чтобы означенные люди, по доставленіи ихъ гражданскимъ начальствомъ, были приняты въ арестантское отдѣленіе помянутаго монастыря и помѣщены каждый въ отдѣльную келлію подъ строжайшій надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальствъ, съ прекращеніемъ имъ возможности имѣть какія-либо сношенія какъ между собою, такъ и съ посторонними лицами.

„Во исполненіе таковой Высочайшей воли имѣю честь препроводить къ вашему высокопреподобію, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, лжеархіепископа Аркадія, присовокупляя, что лжеепископъ Алимпій будетъ отправленъ вслѣдъ за симъ чрезъ сутки.

„При семъ прилагаются принадлежащіе означеннымъ раскольническимъ лицамъ 65 полуимперіаловъ, одинъ рубль 95 копеекъ серебр. и червонцевъ: австрійскихъ 50 и турецкихъ 20, въ полученіи коихъ не оставьте меня, ваше высокопреподобіе, увѣдомить, съ выдачею жандарму квитанціи въ исправномъ доставленіи арестанта".

Кромѣ того, къ письму графа Закревскаго былъ приложенъ „списокъ вещей, принадлежащихъ помянутому Аркадію".

По заведенному въ монастырѣ порядку, архимандритъ тотчасъ же по прибытіи арестанта приказываетъ составить подробную опись вещамъ и деньгамъ, которыя окажутся при немъ, затѣмъ всѣ найденныя деньги и большую часть вещей оставляетъ

у себя, а арестанту выдаетъ лишь необходимое количество бѣлья и платья. Опись эту даютъ подписать владѣльцу-узнику, послѣ чего онъ немедленно же отводится въ арестантское отдѣленіе монастыря, или крѣпость, и тамъ запирается въ одиночную камеру, или „келлію“. Жандармамъ, которые привезли арестанта, выдается архимандритомъ особая квитанція въ исправномъ полученіи отъ нихъ арестанта.

Судя по описи, имущество архіепископа Аркадія состояло изъ нѣсколькихъ узловъ и „кожанаго коробка“ съ платьемъ, бѣльемъ и разными вещами. Полагаемъ, что здѣсь будетъ небезынтересно перечислить его гардеробъ и другого рода имущество, оказавшееся у него при заключеніи его въ монастырь, такъ какъ все это до извѣстной степени характеризуетъ, конечно, его потребности, привычки, а отчасти даже и степень его интеллектуальнаго развитія.

Въ узлахъ архіепископа Аркадія оказались слѣдующія вещи: шерстяное синее одѣяло, полукафтанье чернаго сукна на овчинномъ мѣху, полукафтанье синяго сукна на ватѣ и китайчатой синей подкладкѣ, старая, синяя китайчатая рубаха, кожаная подушка, двѣ плисовыя съ бараньимъ околышемъ шапки на ватѣ, черное холстинное полотенце, мѣшокъ синяго холста, деревянная чашка съ крышкою, бутыль синяго стекла.

Въ кожаномъ коробкѣ находились: черное шерстяное полукафтанье на бумажной подкладкѣ, черная шерстяная пелеринка, такая же атласная, китайчатая синяя рубаха, китайчатыя синія шаровары, два бумажныхъ клѣтчатыхъ носовыхъ платка, холстинная ночная занавѣска, хрустальная кружка, костяной гребень, складной образокъ, кожаныя четки, двѣ

славянскія книги, священническая камышевая трость и квитанція кіевскаго комитета на имя архіепископа Аркадія въ принятіи отъ него 70 полуимперіаловъ.

Въ концѣ описи значилось: „сверхъ сего, отобрано отъ того неизвѣстнаго 12 золотыхъ россійскихъ полуимперіаловъ, одинъ червонецъ въ 3 рубля серебр., 1 рубль 20 копеекъ серебр., карманные золотые часы безъ цѣпочки, четки, ремень, подушечка, шейный простой платокъ, два кошелька“. Кромѣ того, былъ еще одинъ узелъ, состоявшій изъ мѣшка, „запечатаннаго двумя казенными печатями, съ неизвѣстными вещами“.

На другой день, рано утромъ, или, вѣрнѣе говоря, въ ночь на 22-е октября, привезенъ былъ въ монастырь епископъ Алимпій при письмѣ графа Закревскаго отъ 20-го октября. „Въ дополненіе къ отношенію отъ 19-го октября,—писалъ генералъ-губернаторъ,—препровождаю при семъ къ вашему высокопреподобію подъ конвоемъ двухъ жандармовъ лжеепископа Алимпія, съ принадлежащими ему поименованными въ прилагаемой у сего описи вещами и деньгами“. Далѣе онъ напоминалъ о порядкѣ содержанія въ монастырѣ Алимпія и просилъ выдать жандарму, сопровождавшему лжеепископа, установленную квитанцію въ исправномъ доставленіи арестанта.

Разумѣется, архимандритъ не замедлилъ выдать требовавшуюся отъ него квитанцію, которую мы и воспроизводимъ здѣсь цѣликомъ, такъ какъ она не лишена извѣстной характерности:

„Квитанція.

„При секретномъ отношеніи его сіятельства г. московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа Закревскаго, отъ 20-го октября сего 1854 года за №00,

доставленъ во ввѣренный управленію моему суздал скій Спасо-Евфиміевъ монастырь къ содержанію крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи взятый турецкихъ владѣніяхъ арестантъ, раскольникъ лж епископъ Алимпій, отъ сопровождавшаго его моско скаго жандармскаго дивизіона унтеръ-офицера Сав стина въ три часа утра 22-го октября сего го мною принятъ, въ чемъ ему, унтеръ-офицеру Сав стину, за подписомъ моимъ, съ приложеніемъ мон стырской казенной печати, и дана сія квитанц 22-го октября 1854 г. № 213".

Независимо отъ этой квитанціи архимандритъ, н медленно по прибытіи арестанта въ монастырь, д носитъ объ этомъ генералъ-губернатору, присла шему арестанта, а также своему непосредственно начальнику, владимирскому епархіальному архіере и, наконецъ, сообщаетъ объ этомъ, конечно „секре но", начальнику суздальской инвалидной команд съ просьбою „повелѣть военному караулу имѣть арестантомъ особый, строжайшій надзоръ".

Чтобы познакомить читателей, въ чемъ состоя имущество старообрядческаго епископа Алимпія, к торое онъ привезъ съ собою въ монастырь, мы пр ведемъ здѣсь „опись вещамъ, принадлежащимъ ар станту подъ № 2-мъ". Вотъ она: „Три образа мѣдныхъ окладахъ, крестъ кипарисный, на шнурк съ ладонкой, лѣстовокъ кожаныхъ 2, псалтырь, кни „Апологія", картузъ суконный, шапка плисовая, т плая, съ чернымъ курпячетымъ околышемъ, ермол плисовая, черная, въ родѣ пелеринокъ, шерстяных черныхъ, съ мѣдной у каждой пуговицей—2, пла ковъ клѣтчатыхъ холстинковыхъ—2, ситцевыхъ— полотенецъ холщевыхъ—2, рубахъ синихъ китайч тыхъ—2, порты холщевыя—1, исподницъ бѣлыхъ б

мажныхъ—2, тулупъ, крытый нанкой — 1, кафтанъ суконный синій, на синей нанковой подкладкѣ, съ 5-ю мѣдными пуговицами, кафтанъ суконный сѣрый, халатъ синій китайчатый, очки въ футлярѣ, бѣлый костяной гребень, наперстокъ, замокъ, набалдашникъ бѣлый костяной отъ трости, коверъ, подушка, ремень кожаный, кошель, плетеный изъ лыкъ".

Подъ этой описью находится собственноручная расписка Алимпія такого содержанія: „Означенныя вещи все исполна получилъ епископъ Алимпій". Расписка эта написана очень крупнымъ почеркомъ, обличающимъ непривычку писавшаго владѣть перомъ.

Вслѣдъ за Алимпіемъ былъ привезенъ въ монастырь третій секретный арестантъ, старообрядческій священникъ Ѳедоръ Семеновъ.

Спустя два-три дня послѣ того, какъ старообрядческіе архіереи былъ привезены въ монастырь, архимандритъ Амвросій [1]) получилъ отъ епископа владимирскаго, Іустина, подробную инструкцію относительно содержанія въ монастырѣ „мнимодуховныхъ лицъ". „По Высочайшему повелѣнію, — писалъ епископъ,—указомъ Святѣйшаго Синода предписано мнѣ взятыхъ въ турецкихъ владѣніяхъ лжеархіепископа Аркадія, лжеепископа Алимпія и лжесвященника Ѳеодора Семенова заключить въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, почему на основаніи означеннаго указа предписываю вамъ:

„1. По доставленіи вамъ черезъ гражданское правительство означенныхъ лицъ, заключить ихъ при арестантскомъ отдѣленіи въ особыя для каждаго комнаты и о времени доставленія ихъ къ вамъ и заключенія донести мнѣ.

---

[1]) Въ отношеніи графа Закревскаго архимандритъ, вѣроятно по ошибкѣ, названъ Іоакимомъ.

„2. Имѣть за ними строжайшій надзоръ, съ прекращеніемъ имъ всякой возможности сношенія между собою и съ раскольниками и вообще съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ лицъ, и съ принятіемъ со стороны вашей всѣхъ мѣръ духовнаго вразумленія къ разсѣянію ихъ заблужденій и къ склоненію ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками.

„3. О послѣдствіяхъ вашего вразумленія и надзора доносить мнѣ по прошествіи каждаго мѣсяца или ранѣе, какъ скоро представится въ томъ надобность.

„4. Именъ ихъ и мнимыхъ званій никому не объявлять, а называть ихъ и писать въ бумагахъ просто арестантами подъ №№ 1, 2 и 3, по порядку, въ какомъ они написаны въ указѣ Святѣйшаго Синода, именно: Аркадія—подъ № 1, Алимпія подъ № 2 и Семенова—подъ № 3".

При этой инструкціи епископъ Іустинъ счелъ нужнымъ приложить копію съ указа Святѣйшаго Синода отъ 13 октября 1854 года, относительно заключенія въ суздальскую монастырскую тюрьму Аркадія, Алимпія и Семенова. Въ виду того, что указъ этотъ имѣетъ несомнѣнный историческій интересъ и значеніе, мы приводимъ его здѣсь почти безъ всякихъ измѣненій. Вверху указа стоятъ подчеркнутыя слова: „особенно секретно".

„Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали два предложенія г. оберъ-прокурора, графа Николая Алексѣевича Протасова, изъ коихъ, при первомъ, онъ предлагаетъ списокъ съ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія: „По Высочайшему его императорскаго величества повелѣнію доставлены въ Москву взятыя въ турецкихъ вла-

Спасо-Евфиміевъ монастырь, съ юго-восточной стороны.

дѣніяхъ мнимодуховныя лица: лжеархіепископъ Аркадій, лжеепископъ Алимпій и лжесвященникъ Ѳедоръ Семеновъ. При снятіи допросовъ они показали о себѣ:

„1) Аркадій, что онъ родомъ изъ села Куничнаго, Бессарабской области, въ молодости ушелъ за границу, жилъ въ разныхъ раскольническихъ поселеніяхъ за Прутомъ и Дунаемъ; греческимъ митрополитомъ Амвросіемъ въ раскольническомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ рукоположенъ въ епископа села Славы, что близъ Бабигада.

„2) Алимпій, родомъ калужскій мѣщанинъ, долго проживалъ въ бывшемъ раскольническомъ Лаврентьевомъ монастырѣ, Могилевской губерніи, потомъ ушелъ за границу, въ Молдавію, и, наконецъ, за Дунай, гдѣ епископъ Аркадій посвятилъ его прежде во священника, а послѣ, вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Буковины епископомъ Онуфріемъ, во епископа города Тульчи.

„3) Ѳедоръ Семеновъ—потомокъ перешедшихъ въ давнемъ времени въ Молдавію раскольниковъ, родился въ селеніи Борщъ, близъ Браилова; въ священника рукоположенъ Алимпіемъ.

„Нынѣ Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: снестись съ вашимъ сіятельствомъ (съ графомъ Протасовымъ) о заключеніи Аркадія, Алимпія и Ѳедора Семенова въ разные монастыри подъ строжайшій надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальства, съ прекращеніемъ всякихъ средствъ къ сношенію ихъ съ раскольниками и съ тѣмъ, чтобы преосвященные и начальники монастырей приняли всѣ мѣры духовнаго вразумленія къ разсѣянію ихъ заблужденій и склоняли бы ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лжекаѳедръ

2*

и сношеній съ нашими раскольниками. Сообщая семъ вашему сіятельству, обращаюсь съ покорнѣй шею просьбою почтить меня увѣдомленіемъ, въ каки монастыри должны быть доставлены во исполнені вышеизложенной Высочайшей воли означенные люди"

„При второмъ же предложеніи препровождает онъ, г. оберъ-прокуроръ, секретную и конфиденціалі ную переписку его съ господиномъ министромъ вну треннихъ дѣлъ, изъ которой видно, что г. министрт по изъясненнымъ въ оной причинамъ, не находит препятствія къ помѣщенію означенныхъ лицъ в суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, впредь д возможности помѣстить ихъ въ разные монастыри Приказали: во исполненіе вышеизложеннаго Высс чайшаго его императорскаго величества повелѣнія въ соотвѣтствіе отзыву, полученному нынѣ отъ г. ми нистра внутреннихъ дѣлъ, взятыхъ въ турецких владѣніяхъ мнимодуховныхъ раскольническихъ лицт лжеархіепископа Аркадія, лжеепископа Алимпія лжесвященника Ѳедора Семенова, заключить впред до усмотрѣнія въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ мс настырь, поручивъ вашему преосвященству (то-ест владимирскому архіерею) сдѣлать непосредственн отъ себя зависящее распоряженіе, чтобы лица сі по доставленіи ихъ гражданскимъ начальствомъ, бы ли приняты въ арестантское отдѣленіе упомянутаг монастыря и помѣщены каждый въ отдѣльную кель подъ строжайшій надзоръ"... Далѣе излагались усло вія содержанія арестантовъ въ тюрьмѣ, о воспреще ніи имъ всякихъ сношеній какъ между собою, так и съ посторонними лицами и проч.

II.

Архіепископъ Аркадій и епископъ Алимпій.

Читалъ и перечитывалъ архимандритъ отношеніе графа Закревскаго, при которомъ былъ присланъ въ монастырь лжеархіепископъ Аркадій, но того, что его особенно сильно интересовало, онъ не находилъ. Въ „отношеніи“ ничего не было сказано: какъ и на какія средства содержать „лжеархіепископа“, чѣмъ его продовольствовать. Архимандритъ входитъ съ представленіемъ по этому поводу къ владимирскому губернатору, при чемъ сообщаетъ о полученномъ имъ отношеніи графа Закревскаго, о присылкѣ и заключеніи въ крѣпость арестанта лжеархіепископа Аркадія, „но, — продолжаетъ о. архимандритъ, — на какомъ коштѣ онаго лжеархіепископа Аркадія содержать, въ отношеніи его сіятельства ничего не упомянуто“. Въ виду этого, „донося о семъ“, онъ проситъ губернатора войти въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ объ ассигнованіи средствъ на содержаніе въ монастырской тюрьмѣ Аркадія. Съ тѣмъ же самымъ ходатайствомъ обратился онъ и къ владимирскому преосвященному, который, въ свою очередь, отнесся по этому поводу въ Синодъ.

Святѣйшій Синодъ немедленно сдѣлалъ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ относительно отпуска денегъ на содержаніе въ монастырской тюрь-

мѣ „мнимодуховныхъ лицъ“ Аркадія, Алимпія и Семенова по 44 рубля 50 коп. въ годъ на каждаго. Чѣмъ собственно, какимъ расчетомъ руководствовался Святѣйшій Синодъ при опредѣленіи размѣра содержанія лицъ старообрядческой іерархіи, заключенныхъ въ монастырѣ, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать назначенной на содержаніе епископовъ суммы слишкомъ недостаточной.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что потребности и привычки „мнимодуховныхъ лицъ“, сидѣвшихъ въ суздальской тюрьмѣ, были болѣе чѣмъ скромныя. Въ этомъ можно было убѣдиться уже изъ описей ихъ имущества, которыя мы приводили выше. Еще больше убѣждаютъ въ этомъ тѣ расходныя тетради, въ которыя записывались всѣ деньги, выдававшіяся имъ на ихъ нужды. Вотъ, напримѣръ, расходная тетрадь архіепископа Аркадія. Она начинается съ декабря мѣсяца 1854 года. За этотъ мѣсяцъ произведенъ былъ только одинъ расходъ: „куплены въ мѣдной оправѣ очки для архіепископа Аркадія, заплачено 30 коп. серебромъ“.

Въ теченіе слѣдующаго 1855 года Аркадіемъ произведены слѣдующія траты: куплено 2 аршина пестряди, шнурковъ, бронзовыхъ пуговицъ, нитокъ, иголокъ, льну, чайникъ, меду—всего на 1 рубль 40 коп. Затѣмъ было куплено: самоваръ, одинъ пудъ пшеничной второго сорта муки, наперстокъ, 10 фунтовъ меду, стеклянная банка и 18 аршинъ пестряди, всего на сумму 9 рублей. Въ теченіе 1856 года Аркадію отъ времени до времени выдается „на собственныя его потребности“ по 1 и по 2 руб., рѣдко по 3 и по 4 рубля. То же самое видимъ мы и въ послѣдующіе годы.

Расходная тетрадь епископа Алимпія носитъ тотъ же самый характеръ, указывая на спартанскія привычки и наклонности старообрядческаго іерарха. Производимые имъ расходы обыкновенно не превышаютъ рубля, двухъ, трехъ, очень рѣдко встрѣчаются расходы въ 6 и 8 рублей, и только одинъ разъ за все время его заключенія расходъ достигъ 10 руб.

При тѣхъ скромныхъ потребностяхъ и невзыскательныхъ привычкахъ, какими, несомнѣнно, отличались заключенные епископы, можно думать, что, сидя въ монастырской тюрьмѣ, они не испытывали особенныхъ лишеній по части питанія и продовольствія, тѣмъ болѣе, что недостатки арестантскаго стола они могли пополнять, расходуя на это имѣвшіяся при нихъ деньги. Но совершенно иначе обстояло дѣло по части помѣщенія. И хотя въ архивныхъ дѣлахъ, послужившихъ намъ матеріаломъ для настоящаго очерка, нѣтъ описаній тѣхъ „келлій", или казематовъ, въ которыя были помѣщены узники, тѣмъ не менѣе въ нашихъ рукахъ имѣется много данныхъ, указывающихъ на то, что сидѣвшіе въ нихъ узники сильно страдали и отъ холода и отъ сырости. Но, какъ большинство простыхъ русскихъ людей, они страдали молча, не протестуя и даже не высказывая своего недовольства.

Однообразно и печально потекли въ монастырской тюрьмѣ дни, недѣли, мѣсяцы и годы заключенныхъ. Особенно удручающимъ образомъ дѣйствовало на узниковъ то полное одиночество, на которое они были обречены и которое примѣнялось къ нимъ съ необыкновенною строгостью, особенно въ первые годы заточенія. Кромѣ монастырскаго служителя, состоявшаго при „арестантскомъ отдѣленіи" и обязаннаго подавать заключеннымъ пищу и выносить изъ ихъ

казематовъ „парашу“, они не видѣли человѣческаго лица, не слышали человѣческаго голоса.

Единственнымъ развлеченіемъ для нихъ являлись посѣщенія отца настоятеля, который на первыхъ порахъ частенько приходилъ къ нимъ, надѣясь убѣдить ихъ оставить свои заблужденія, покаяться въ нихъ и въ то же время разсчитывая вывѣдать отъ нихъ все, что касалось ихъ прежней жизни и дѣятельности, а также, что было извѣстно имъ относительно организаціи старообрядчества вообще и въ частности раскольнической іерархіи.

О. настоятель дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, конечно, на основаніи данной ему инструкціи, въ которой, какъ мы видѣли, предписывалось ему „принять со своей стороны всѣ мѣры духовнаго вразумленія къ разсѣянію заблужденій“ заключенныхъ, а также „къ склоненію ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками“.

„Мнимодуховныя лица“, повидимому, не находили нужнымъ скрывать все то, что касалось собственно ихъ лично. На разспросы о. архимандрита они дали болѣе или менѣе подробныя показанія относительно своей прошлой жизни и дѣятельности. Привожу здѣсь эти показанія почти въ томъ самомъ видѣ, какъ они записаны настоятелемъ монастыря. Начинаю съ „показаній арестанта подъ № 1-мъ“, то-есть архіепископа Аркадія.

Уроженецъ изъ простыхъ поселянъ селенія Куничи, Бѣлицкаго уѣзда (или Сороки, Кишиневской губ.). Нынѣ ему 45 лѣтъ. Прежде именовался Андреемъ. На пятнадцатомъ году отъ рожденія оставилъ онъ свое село и перешелъ въ г. Яссы, гдѣ около 2½ лѣтъ жилъ въ качествѣ прислуги у ясскихъ

купцовъ Ивана Ант—рова и Михаила Антонова. Отсюда отправился въ скитъ Мануиловку, въ Молдавію, гдѣ находился послушникомъ въ теченіе двухъ лѣтъ, а затѣмъ опять возвратился въ Яссы. Пробывъ здѣсь два мѣсяца, онъ взялъ себѣ русскій паспортъ, съ которымъ и прибылъ въ старообрядческій Лаврентьевскій монастырь Могилевской губерніи. Во время пребыванія его въ этомъ монастырѣ въ 1829 году, онъ былъ постриженъ въ монашество. Въ слѣдующемъ же 1830 году, будучи монахомъ, опять возвратился въ Мануиловскій скитъ, въ которомъ пробылъ четыре года, а затѣмъ перешелъ въ турецкія владѣнія, въ Славскій скитъ, что близъ Бабидага. Изъ этого скита онъ предпринялъ путешествіе въ Царьградъ, въ которомъ пробылъ мѣсяцъ, а затѣмъ отправился далѣе, къ некрасовцамъ, въ селеніе и скитъ Майносъ, гдѣ пробывши двѣ недѣли, возвратился обратно въ Царьградъ, а изъ него немедленно пошелъ въ Азіатскую Турцію. Дойдя до рѣки Захарна и до лимана оной, на которомъ лежитъ островъ, имѣющій Некрасовскій раскольническій скитъ, именуемый Бѣлый Камень, онъ прожилъ тутъ болѣе полугода. „Изъ онаго же скита вступилъ въ Анатолію, въ некрасовское гнѣздо расколовъ, въ селеніе Мельча, отстоящее отъ г. Терме въ 5 верстахъ“, гдѣ пробылъ около года, а затѣмъ возвратился въ Славскій скитъ.

Проживши въ этомъ скиту два года, Аркадій „вторичное возымѣлъ странствованіе въ Царьградъ, селеніе Майносъ, черезъ города Силистрію и Туртукай, въ скитъ Каменный Мостъ, отстоящій отъ города Туртукая въ 5 верстахъ“. Проживши въ этомъ скиту около двухъ лѣтъ, онъ снова возвратился въ Славскій скитъ „на всегдашнее жительство“. Спустя

нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 1847 году онъ отправился въ Бѣлокриницкій скитъ, въ Австрію, гдѣ бѣглымъ греческимъ митрополитомъ Амвросіемъ былъ поставленъ въ лжеіеромонаха, а затѣмъ чрезъ 8 дней и въ лжеепископа села Славы.

По прошествіи двухъ лѣтъ, въ 1849 году, въ городѣ Тульчѣ Аркадій былъ произведенъ въ санъ архіепископа двумя старообрядческими епископами Онуфріемъ и Алимпіемъ.

Вотъ тотъ краткій „формуляръ", который можно составить, основываясь на показаніяхъ лжеархіепископа Аркадія, данныхъ имъ отцу архимандриту. Вообще, знакомясь съ этими показаніями, нельзя не замѣтить, что, насколько охотно и откровенно разсказывалъ онъ о себѣ, главнымъ образомъ о своихъ путешествіяхъ и кочевкахъ, настолько же былъ сдержанъ въ тѣхъ показаніяхъ, которыя касались другихъ лицъ, особенно же изъ числа живущихъ въ Россіи. Если онъ и разсказывалъ кое-что о. архимандриту о своихъ посвященіяхъ въ попы и монахи разныхъ лицъ, то обыкновенно эти разсказы носили такой общій, неопредѣленный характеръ, что едва ли изъ нихъ могъ чѣмъ-нибудь воспользоваться даже самый опытный сыщикъ.

Всѣ старанія о. архимандрита узнать отъ Аркадія фамиліи лицъ, которыя поддерживаютъ старообрядчество своими пожертвованіями,—не привели ни къ чему. „При всеусиленномъ моемъ убѣжденіи,—пишетъ настоятель монастыря архіерею,—объ открытіи имъ мнѣ пожертвователей или ходатаевъ къ пожертвованіямъ и сношеній между таковыми лицами, живущими въ Россіи, онъ, № 1-й, упорно отвѣтствовалъ однимъ словомъ: „не знаю", при чемъ относилъ всѣ эти пожертвованія къ ходатайству умершаго въ Слав-

скомъ скиту московскаго купца Волкова, о смерти коего онъ женѣ покойнаго послалъ письмо въ Москву".

Относительно своей собственной дѣятельности архіепископъ Аркадій, на вопросъ архимандрита, высказалъ, что онъ, Аркадій, „можетъ произвести для заграничныхъ лжекаѳедръ столько епископовъ, сколько ему заблагоразсудится".

Тотъ же самый характеръ носятъ показанія арестанта № 2-й, то-есть епископа Алимпія, который также охотно сообщилъ свѣдѣнія, касавшіяся лично его, и совершенно уклонился отъ показаній относительно другихъ лицъ, причастныхъ его дѣятельности по расколу. По его словамъ, онъ происходитъ изъ мѣщанъ г. Калуги, отъ роду имѣетъ 60 лѣтъ; прежде въ міру назывался Антоніемъ. Въ 1814 году поступилъ въ старообрядческій Лаврентьевскій монастырь, находящійся въ Бѣлицкомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, гдѣ и былъ постриженъ въ монашество въ 1817 году. Проживши въ этомъ монастырѣ въ качествѣ монаха до 1840 года, Алимпій перешелъ затѣмъ въ турецкія владѣнія и поселился въ Славскомъ скиту, въ которомъ пробылъ три года, послѣ чего былъ поставленъ нумеромъ первымъ (то-есть Аркадіемъ) во лжеіеромонаха. По прошествіи еще трехъ лѣтъ Алимпій былъ рукоположенъ 26 сентября 1847 года тѣмъ же нумеромъ первымъ во лжеепископа для г. Тульчи.

Что касается показаній „арестанта № 3-й", т.-е. лжесвященника Ѳедора Семенова, то они не представляютъ интереса, а потому мы и не приводимъ ихъ здѣсь.

По прошествіи мѣсяца со дня заключенія въ монастырь „мнимодуховныхъ лицъ", архимандритъ, исполняя требованіе инструкціи, спѣшитъ донести

епархiальному начальству о результатахъ какъ „духовнаго вразумленiя", такъ и своихъ разспросовъ относительно свѣдѣнiй, касающихся положенiя дѣлъ въ старообрядчествѣ. „Присланные въ арестантское отдѣленiе секретные арестанты подъ №№ 1, 2 и 3,— пишетъ о. архимандритъ,—были убѣждаемы мною всѣми мѣрами къ разсѣянiю ихъ заблужденiй и къ склоненiю ихъ открыть все имъ извѣстное относительно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношенiй съ нашими раскольниками, но совершеннаго успѣха на всѣ дѣлаемые мною имъ надлежащiе вопросы не получилъ, кромѣ сихъ отвѣтовъ, которые при семъ вашему преосвященству на архипастырское благоразсмотрѣнiе покорнѣйше честь имѣю представить". Отвѣты эти состояли изъ тѣхъ именно показанiй, которыя мы только что привели.

Изъ трехъ узниковъ только одинъ „арестантъ подъ № 3", т.-е. лжесвященникъ Ѳедоръ Семеновъ, на убѣжденiя о. архимандрита „оставить прежнiя свои заблужденiя и обратиться къ православной церкви" изъявилъ согласiе на это и „выразилъ желанiе ходить въ церковь, но онъ, архимандритъ, безъ разрѣшенiя его преосвященства, не осмѣливается дозволить ему ходить въ церковь". Разумѣется, разрѣшенiе послѣдовало, и Семеновъ вскорѣ получилъ право посѣщать тюремную церковь.

Въ своихъ дальнѣйшихъ донесенiяхъ о настроенiи заключенныхъ о. архимандритъ сообщилъ, что Семеновъ „вразумленiя о правости нашей святой церкви выслушиваетъ и въ церковь къ божественнымъ службамъ усердно ходитъ". Послѣ шести-семи лѣтъ заключенiя Семеновъ совсѣмъ отрекся отъ своихъ „заблужденiй", которыя привели его въ монастырскую тюрьму, и, наконецъ, былъ присоединенъ къ православiю.

Однако, и послѣ этого онъ оставался нѣкоторое время въ тюрьмѣ „на испытаніи", такъ какъ начальство, очевидно, не довѣряло искренности его раскаянія.

Совершенно иначе держались Аркадій и Алимпій: тяжелыя условія многолѣтняго заключенія, казалось, нимало не вліяли на ихъ волю,—они оставались непоколебимо вѣрными тѣмъ религіознымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, за которые имъ пришлось такъ жестоко поплатиться,—хотя монастырское заточеніе не могло, разумѣется, не отразиться на состояніи ихъ здоровья. Особенно тяжело отразилось это заточеніе на шестидесятилѣтнемъ старикѣ Алимпіи: онъ началъ хворать, хирѣть, здоровье его съ каждымъ годомъ становилось все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, 25-го августа 1859 года онъ „по продолжительной болѣзни волею Божіею померъ". Такимъ образомъ, ему пришлось провести въ одиночномъ заключеніи около пяти лѣтъ. Однако, несмотря на суровость заточенія, несмотря на болѣзнь и физическія страданія, онъ умеръ, не только не раскаявшись въ своихъ „заблужденіяхъ", но, наоборотъ, какъ нельзя болѣе убѣжденный въ полной справедливости и святости старообрядчества.

Умершихъ арестантовъ большею частью хоронятъ въ монастырскомъ саду, въ той его части, которая непосредственно прилегаетъ къ крѣпостной стѣнѣ. Но на этотъ разъ почему-то монастырское начальство нашло нужнымъ схоронить лжеепископа Алимпія внѣ монастыря. Отецъ архимандритъ обратился въ суздальскую „градскую полицію" съ такимъ отношеніемъ: „Содержащійся въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго мнѣ монастыря подъ надзоромъ арестантъ, раскольникъ поповщинской секты, мнимодуховное лицо подъ № 2-мъ, Алимпій,

бывши двѣ недѣли боленъ, 25 августа, въ 9 часу утра, волею Божіею померъ. О чемъ суздальской градской полиціи объявляя, покорнѣйше прошу оную для указанія мѣста на вырытіе могилы и для нахожденія при погребеніи умершаго Алимпія командировать съ своей стороны чиновника".

Полиція указала мѣсто для погребенія Алимпія близъ городскаго кладбища, а для присутствованія при его похоронахъ назначила квартальнаго надзирателя Розанова. Тотчасъ же послѣ похоронъ о. архимандритъ пишетъ донесеніе владимирскому губернатору и „рапортъ" преосвященному о смерти секретнаго арестанта № 2-й и о „погребеніи его въ присутствіи квартальнаго надзирателя Розанова. Вмѣстѣ съ этимъ доносится архіерею, что оставшіяся у Алимпія деньги 47 руб. 20 коп. и одиннадцать турецкихъ червонцевъ до разрѣшенія вашего преосвященства хранятся въ монастырской ризницѣ".

Въ то же время о смерти Алимпія сообщается въ суздальское уѣздное казначейство, съ возвращеніемъ денегъ, оставшихся неизрасходованными на его содержаніе. Вскорѣ послѣ этого отъ архіерея Іустина получается приказаніе—передать деньги и червонцы, оставшіеся послѣ смерти Алимпія, „въ суздальскую градскую полицію съ тѣмъ, чтобы она касательно оныхъ сдѣлала со своей стороны законное распоряженіе, и по передачѣ донести мнѣ". Приказаніе это было, разумѣется, исполнено, деньги и червонцы Алимпія переданы въ полицію, отъ которой вскорѣ и послѣдовало увѣдомленіе о томъ, что деньги и червонцы получены и записаны на приходъ [1]).

[1]) При посѣщеніи нами Суздаля лѣтомъ 1902 года намъ удалось разыскать могилу Алимпія; она находится на Златоустовскомъ городскомъ кладбищѣ, въ лѣвомъ дальнемъ углу отъ входа, около

Смерть Алимпія не могла, разумѣется, не отозваться болѣзненно въ сердцѣ его сотоварища по несчастію, Аркадія, тѣмъ не менѣе, однако, онъ попрежнему остается твердымъ и „непреклоннымъ". Въ 1861 году о. архимандритъ доносилъ архіерею, что содержащійся въ крѣпостномъ отдѣленіи монастыря арестантъ № 1-й, лжеархіепископъ Аркадій, „былъ имъ вразумляемъ къ оставленію своихъ раскольническихъ заблужденій, но по выслушаніи увѣщаній, какъ и прежде, остался непреклоннымъ и объявилъ, что величайшимъ грѣхомъ считаетъ перемѣнить обряды содержимой имъ вѣры и оставить принятый имъ санъ". Что же касается открытія и сообщенія свѣдѣній „касательно заграничныхъ лжекаѳедръ и сношеній съ русскими раскольниками, то какъ Аркадій, такъ и Семеновъ, сверхъ прежде данныхъ ими отвѣтовъ, и нынѣ ничего не показали".

Подобныя донесенія повторялись о. архимандритомъ ежемѣсячно, почти изъ слова въ слова одно и то же въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Наконецъ, въ 1864 году Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы объ успѣхѣ увѣщаній лжеепископа Аркадія архіерей доносилъ „по истеченіи года".

самаго рва, которымъ окопано кладбище. По словамъ старожиловъ, въ этомъ мѣстѣ въ былое время хоронили умершихъ отъ холеры. На могилѣ—каменная высокая плита съ надписью: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло инока Алимпія, скончавшагося 25 августа 1860 года». По сторонамъ плиты также были сдѣланы надписи, но теперь изъ нихъ можно разобрать только одну: «Егда мертвіи ус҃лышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ»; остальныя же почти совсѣмъ стерлись отъ времени. Число и мѣсяцъ смерти Алимпія на плитѣ обозначены вѣрно, но въ годѣ вкралась ошибка: онъ умеръ не въ 60-мъ, а въ 59-мъ году. Что же касается того, что покойный названъ здѣсь инокомъ, а не епископомъ, то, безъ сомнѣнія, это слѣдуетъ объяснить соображеніями цензурнаго характера.

III.

Епископъ Кононъ.

Прошло около четырехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были „пойманы" въ турецкихъ владѣніяхъ и заключены въ монастырь „мнимодуховныя лица": архіепископъ Аркадій, епископъ Алимпій и священникъ Өеодоръ Семеновъ. За этотъ небольшой, сравнительно, срокъ произошли на Руси большія и важныя событія, оказавшія огромное вліяніе на весь ходъ внутренней жизни Россіи, на настроеніе русскаго общества и народа. Среди Крымскаго погрома, со сцены сошелъ императоръ Николай Павловичъ, унося съ собою строгій режимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ котораго онъ всегда являлся. Отъ молодого, только что воцарившагося императора Александра II всѣ ожидали совершенно иной политики, построенной на другихъ началахъ и принципахъ и прежде всего на довѣріи къ народу и культурному классу общества. Ожидались серьезныя реформы, которыя вскорѣ должны были послѣдовать, и которыя имѣли цѣлью обновить государственный механизмъ.

Послѣдовавшія вскорѣ реформы не коснулись цѣлой области народно-общественной жизни—области вѣры и религіозныхъ убѣжденій русскихъ людей. Благодаря этому, тѣ крайне тяжелыя общественныя условія, среди которыхъ приходилось жить многимъ

милліонамъ нашихъ старообрядцевъ и сектантовъ, очень мало измѣнились къ лучшему, такъ какъ попрежнему имъ постоянно приходилось испытывать разнаго рода стѣсненія и преслѣдованія. И хотя эти преслѣдованія не носили уже того ожесточеннаго и систематическаго характера, какимъ они отличались въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, но, тѣмъ не менѣе, и теперь продолжали практиковаться такія мѣры, какъ „ловля“ старообрядческихъ епископовъ, священниковъ и наставниковъ, ихъ аресты и заточеніе въ монастыри и т. п.

Такъ, въ самомъ концѣ 1858 года вдругъ прошелъ слухъ, что „пойманъ“ еще одинъ старообрядческій епископъ, Кононъ, на этотъ разъ уже не въ турецкихъ владѣніяхъ, а въ одной изъ русскихъ губерній: въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Разумѣется, тотчасъ же началось дѣло, началась секретная и конфиденціальная переписка.

Результатомъ этого дѣла, этой переписки явился Высочайшій указъ: государь императоръ Александръ II въ 30 день января 1859 года повелѣть изволилъ: „отослать Конона въ одинъ изъ православныхъ монастырей, по назначенію Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы ему тамъ были дѣлаемы *кроткія* увѣщанія объ оставленіи его заблужденій и присоединеніи къ святой церкви“.

Такимъ образомъ, гуманизмъ новаго царствованія въ данномъ случаѣ сказался лишь въ томъ, чтобы тѣ увѣщанія, которыя дѣлаются сидящимъ въ монастырскихъ тюрьмахъ, были непремѣнно „кроткія“. Въ прежнее же время настоятелямъ монастырей, въ которые посылались старообрядцы и сектанты, обыкновенно предписывалось производить „увѣщанія“, но, какъ, какимъ образомъ — ничего не говорилось. Но

приведенной оговоркой и ограничивается дань вновь наступившей либеральной эпохѣ, всѣ же остальныя условія монастырскаго заточенія остаются прежнія, безъ всякихъ измѣненій и послабленій.

Святѣйшій Синодъ рѣшилъ отправить епископа Конона въ суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь „подъ особенный надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальства". Владимирскій епископъ Іустинъ, получивъ указъ Святѣйшаго Синода по этому поводу, положилъ на немъ такую резолюцію: „помѣстить въ отдѣльной комнатѣ при арестантскомъ отдѣленіи".

7 апрѣля 1859 года, въ 7 часовъ утра, жандармы привезли Конона въ Спасо-Евфиміевскій монастырь. Сдавъ арестанта архимандриту Амвросію, они получили отъ него такую квитанцію: „Доставленный во ввѣренный управленію моему суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, къ содержанію въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи, пойманный въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, раскольническій лжеепископъ Кононъ отъ сопровождавшихъ его владимирской жандармской команды унтеръ-офицера Черненко и рядового Чеснокова, въ означенномъ монастырѣ сего 1859 года, апрѣля 7-го дня, въ семь часовъ утра, мною благополучно принятъ, въ чемъ имъ, жандармскимъ унтеръ-офицеру Черненко и рядовому Чеснокову, за подписомъ моимъ, съ приложеніемъ монастырской казенной печати сія квитанція и дана".

На другой день, 8 апрѣля, архимандритъ Амвросій пишетъ „секретно" начальнику суздальской инвалидной команды майору Иголкину: „Честь имѣю увѣдомить ваше высокоблагородіе, что вновь присланный во ввѣренное моему управленію крѣпостное арестантское отдѣленіе при секретномъ отношеніи г. на-

чальника Владимирской губерніи, отъ 6 февраля, за № 93, по Высочайшему повелѣнію, арестантъ Кононъ подъ строжайшій надзоръ, каковой мною принятъ и помѣщенъ въ отдѣльной камерѣ при арестантскомъ отдѣленіи, почему благоволите повелѣть военному караулу имѣть за нимъ особый строжайшій надзоръ".

При Кононѣ „оказались" деньги 186 руб. Деньги эти, по заведенному порядку, были отобраны отъ него и взяты на храненіе архимандритомъ Амвросіемъ, который затѣмъ, по мѣрѣ надобности, выдавалъ Конону маленькими частями: по 6, по 10 рублей. На содержаніе Конона въ монастырской тюрьмѣ казной было назначено по 46 руб. въ годъ.

Такъ какъ въ секретномъ указѣ владимирской духовной консисторіи по дѣлу о заключеніи въ монастырь Конона было предписано архимандриту „о лжеепископѣ Кононѣ рапортовать пополугодно", то поэтому, по прошествіи шести мѣсяцевъ со дня заточенія старообрядческаго архіерея, настоятель монастыря спѣшитъ донести владимирскому архіерею о поведеніи Конона и о результатѣ „дѣлаемыхъ ему кроткихъ увѣщаній". Въ октябрѣ 1859 г. архимандритъ писалъ: „Находящійся подъ строгимъ надзоромъ въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго управленію моему суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря раскольническій лжеепископъ Кононъ въ теченіе истекшаго полугода съ 7-го апрѣля по 7-е октября дѣлаемымъ ему мною при посѣщеніяхъ кроткимъ увѣщаніямъ объ оставленіи раскольническихъ заблужденій не внималъ и къ присоединенію церкви совершенно отказывался; свой лжеепископскій санъ, принятый имъ за границей, считаетъ законнымъ и даже выражается съ сожалѣніемъ,

что не уѣхалъ за границу". Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству архимандрита, Кононъ „велъ себя въ теченіе полугодичнаго сего времени смирно".

До чего соблюдалась тайна, которою облечено было содержаніе въ монастырѣ старообрядческихъ епископовъ, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Въ 1873 г. войсковой штабъ войска Донского обратился черезъ суздальское полицейское управленіе къ настоятелю Спасо-Евфиміева монастыря съ просьбою сообщить: „Не содержится ли въ крѣпости при ввѣренномъ ему монастырѣ казакъ Козьма Смирновъ и если содержится, то за что и когда заключенъ, и не имѣется ли рѣшенія о его ссылкѣ и заключеніи, съ каковаго рѣшенія, если таковое есть, прислать копію".

Архимандритъ Досиѳей отлично зналъ, что „казакъ Козьма Смирновъ" не кто иной, какъ содержащійся у него въ крѣпости арестантъ подъ № 1-мъ; но онъ не забылъ, разумѣется, строжайшихъ инструкцій и предписаній о той тайнѣ, которая должна облекать все, что только касается арестантовъ, значащихся подъ №№ 1, 2 и 3. И вотъ, очевидно, съ совершенно покойной душой, онъ пишетъ въ суздальское полицейское управленіе, что „въ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго ему монастыря казака Козьмы Смирнова нѣтъ". При этомъ онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что „если бы и находилось въ означенномъ крѣпостномъ отдѣленіи прописанное лицо, то и въ семъ случаѣ онъ тогда только могъ бы выдать копію съ начальническаго распоряженія, когда получилъ бы на это предписаніе отъ своего епархіальнаго начальства".

Объ этомъ случаѣ архимандритъ Досиѳей считаетъ долгомъ донести владимирскому архіерею. Изло-

живъ подробно обращенный къ нему запросъ войскового штаба, относительно казака Козьмы Смирнова, и свой отвѣтъ на этотъ запросъ, онъ тутъ же прибавляетъ: „Но между тѣмъ, почитаю нужнымъ доложить вашему высокопреосвященству, что казакъ Козьма Смирновъ, какъ мнѣ положительно извѣстно, есть тотъ самый раскольничій лжеепископъ Кононъ, который въ настоящее время въ арестантскомъ отдѣленіи содержится".

Долго пришлось ждать о. Досиѳею отвѣта на это донесеніе. Отсюда можно думать, что владимирскій преосвященный, прежде чѣмъ отвѣтить настоятелю монастыря по этому поводу, счелъ нужнымъ снестись съ высшимъ начальствомъ. Только 9-го марта 1876 г. владимирская духовная консисторія отправила Досиѳею указъ, въ которомъ предписывала ему „взять объясненіе отъ лжеепископа Конона: дѣйствительно ли онъ былъ казакъ Козьма Смирновъ до принятія монашества".

Въ отобранномъ отъ него объясненіи Кононъ подтвердилъ, что „до принятія имъ монашества и епископскаго сана онъ, дѣйствительно, былъ казакъ Козьма Смирновъ и принадлежалъ къ Есауловской станицѣ войска Донского. Монашеское же званіе онъ принялъ, по обѣщанію, въ Бѣлой Криницѣ, Австрійской имперіи, какъ помнится, въ 50-хъ годахъ, но въ какомъ именно году—не упомнитъ, а также и во епископа посвященъ тамъ же, но года также не упомнитъ". Послѣ этого владимирская духовная консисторія увѣдомила архимандрита Досиѳея, что „требованіе войскового штаба войска Донского относительно казака Козьмы Смирнова епархіальнымъ начальствомъ ему, архимандриту, разрѣшено исполнить".

Такимъ образомъ, о. настоятелю предстояла пе-

чальная необходимость сознаться, что первое его сообщеніе въ войсковой штабъ было, выражаясь мягко, не вѣрно.

Но какъ ни строго, казалось, было обставлено содержаніе въ суздальской монастырской тюрьмѣ старообрядческихъ епископовъ, тѣмъ не менѣе отъ времени до времени возникали разные инциденты, которые вызывали тревогу среди представителей высшей власти и заставляли ихъ требовать и настаивать на усиленіи надзора за арестантами, числившимися подъ номерами: 1, 2 и 3-мъ.

Такъ, въ 1872 году министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ увѣдомилъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, что „въ виду происковъ коноводовъ раскола къ удержанію содержащагося въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ лжеепископа Конона въ расколѣ, къ которому онъ (будто бы) начинаетъ охладѣвать, необходимо, по мнѣнію его, Тимашева, усилить надзоръ за означеннымъ арестантомъ“. Въ свою очередь, оберъ-прокуроръ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ по этому поводу г. министра внутреннихъ дѣлъ, немедленно же обратился къ владимирскому епископу съ просьбою сдѣлать „зависящія со стороны его преосвященства на сей предметъ распоряженія“. Конечно, владимирской духовной консисторіей тотчасъ же посылается строжайшій указъ на имя настоятеля Спасо-Евфиміева монастыря объ усиленіи надзора за лжеепископомъ Конономъ.

Эта тревога, какъ можно видѣть изъ указа Святѣйшаго Синода отъ 26-го мая того же 1872 года за № 1024, возникла вслѣдствіе того, что въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ было перехвачено отъ какой-то неизвѣстной женщины свидѣтельство за № 147

Кононъ, епископъ Новозыбковскій.

за подписомъ лжеепископа Іова; въ этомъ свидѣтельствѣ заключалось воззваніе къ лжеепископу Конону,—воззваніе, которое имѣло цѣлью побудить его оставаться вѣрнымъ старообрядчеству.

Обстоятельство это и дало поводъ начальству полагать, что епископъ Кононъ поколебался въ своихъ взглядахъ на старообрядчество. Однако предположеніе это не находитъ себѣ рѣшительно никакихъ подтвержденій. Наоборотъ, есть полное основаніе думать, что ни „кроткія увѣщанія" настоятеля ни долгіе годы монастырскаго заточенія нимало не поколебали убѣжденій Конона. Лучшимъ доказательствомъ этого являются тѣ донесенія и аттестаціи, которыя дѣлалъ о немъ и объ его поведеніи о. архимандритъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1861 году архимандритъ Досиѳей писалъ владимирскому преосвященному: „Находящійся подъ строгимъ надзоромъ въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго управленію моему Спасо-Евфиміева монастыря раскольническій лжеепископъ Кононъ въ теченіе истекшаго полугодія съ 7-го апрѣля по 7-е октября дѣлаемымъ ему, какъ предшественникомъ моимъ, такъ и мною при посѣщеніяхъ кроткимъ увѣщаніямъ объ оставленіи раскольническихъ заблужденій не внималъ и отъ присоединенія къ православной Церкви совершенно отказывался, считая законными какъ свои заблужденія, такъ и лжеепископскій санъ". Но при этомъ архимандритъ спѣшитъ прибавить, что за отчетное время Кононъ „велъ себя кротко".

За 1862 годъ черновикъ или, какъ говорятъ въ канцеляріяхъ, „отпускъ" аттестаціи былъ написанъ точно такъ же, какъ и предыдущій, но затѣмъ въ немъ сдѣланы были слѣдующія измѣненія: вмѣсто словъ „не внималъ"—поставлено „нѣсколько внималъ". За

тѣмъ изъ фразы: „отъ присоединенія къ православной Церкви совершенно отказывался“, слово „совершенно“ зачеркнуто. А въ самомъ концѣ добавлено: „усердно занимался чтеніемъ православныхъ книгъ“.

Подобныя аттестаціи съ самыми незначительными варіаціями отправлялись о. архимандритомъ правильнымъ образомъ два раза въ годъ. Такъ, за 1865 годъ, вмѣсто словъ „не внималъ кроткимъ увѣщаніямъ“ поставлено: „мало внималъ“ и т. д. Въ концѣ донесенія стоитъ: „усердно занимался чтеніемъ православныхъ книгъ и направленныхъ противу раскольническихъ заблужденій“. При этомъ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что „усердное чтеніе православныхъ книгъ“ тѣмъ или другимъ изъ монастырскихъ арестантовъ отнюдь еще нельзя разсматривать, какъ признакъ, указывающій на возможность близкаго перехода этого лица въ православіе. Монотонное, удручающе-томительное однообразіе, на которое обречены монастырскіе узники, заставляетъ ихъ, конечно, интересоваться всякой книгой, которая только проникаетъ въ ихъ одинокую тюрьму. А вѣдь никакихъ другихъ, кромѣ чисто православныхъ и „противораскольническихъ“, въ монастырскую тюрьму не попадаетъ.

Бывали случаи, когда сектанты, сидѣвшіе въ суздальской тюрьмѣ, набрасывались на книги, которыя имъ предлагалъ о. архимандритъ, но затѣмъ, ознакомившись съ содержаніемъ этихъ книгъ, они обыкновенно довольно быстро охладѣвали къ нимъ. Такъ было, между прочимъ, и со старообрядческими епископами. Относительно Аркадія, напримѣръ, настоятель монастыря въ 1865 году доносилъ владимирскому преосвященному: „нрава онъ кроткаго, но нынѣ сталъ гнушаться чтеніемъ нашихъ церковныхъ и нравоучительныхъ книгъ“.

IV.

Епископъ Геннадій.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 года число старообрядческихъ архіеревъ, сидѣвшихъ въ суздальской тюрьмѣ, увеличилось еще однимъ. 2-го іюля этого года былъ привезенъ въ монастырь „для увѣщанія“ пермскій старообрядческій епископъ Геннадій. О причинахъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ эту ссылку, намъ удалось извлечь довольно подробныя свѣдѣнія изъ нѣкоторыхъ архивовъ Пермскаго края. Этими свѣдѣніями мы и подѣлимся здѣсь съ своими читателями.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1861 года епископъ уфимскій увѣдомилъ оренбургскаго военнаго губернатора, что черезъ Златоустовскій и Міасскій заводы тайно проѣзжалъ „раскольническій епископъ Геннадій“ и совершалъ богослуженіе въ скитѣ, находящемся въ лѣсахъ, на восточной сторонѣ Уральскаго хребта, между деревнями Тургоякской и Куштумгинской. Въ этомъ скитѣ, какъ дознало духовное начальство, Геннадій освящалъ старообрядческую походную церковь и посвятилъ во священники живописца крестьянина Ксенофонта Вяхирева, проживавшаго въ Катавъ-Ивановскомъ заводѣ.

Въ виду этого уфимскій епископъ настоятельно просилъ губернатора немедленно же принять всѣ

зависящія отъ него мѣры къ поимкѣ Геннадія. При этомъ онъ сообщалъ, что лжеепископъ Геннадій не имѣетъ постояннаго пребыванія ни въ Міасскомъ ни въ другихъ Златоустовскихъ заводахъ, но что онъ большею частью находится въ Екатеринбургѣ и Тюмени и въ разъѣздахъ по Оренбургской, Пермской и Тобольской губерніямъ, завѣдуя, по назначенію своихъ сообщниковъ, тайною раскольническою сибирскою епархіей".

Такое же точно „сообщеніе" отправлено было уфимскимъ епископомъ и главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта генералу Фелькнеру.

И вотъ закипѣло дѣло. Нужно замѣтить, что мѣстныя власти на Уралѣ давно уже знали о существованіи лжеепископа Геннадія, давно уже до нихъ доходили смутные, неясные слухи, что по заводамъ и селамъ уральскимъ тайно разъѣзжаетъ раскольническій епископъ, который ставитъ поповъ и монаховъ, исполняетъ требы, освящаетъ церкви, совершаетъ богослуженія и т. д. Давно уже отданъ былъ приказъ о поимкѣ Геннадія, давно уже полиція старалась напасть на слѣды лжеепископа, но до сихъ поръ онъ необыкновенно ловко и искусно увертывался отъ рукъ властей.

Поэтому, какъ только оренбургскій губернаторъ получилъ сообщеніе уфимскаго епископа о появленіи Геннадія въ Златоустовскихъ заводахъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ снестись объ этомъ съ пермскимъ и тобольскимъ губернаторами, а тѣ, въ свою очередь, немедля снеслись съ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ.

Въ то же время ко всѣмъ исправникамъ полетѣли „секретныя" предписанія о поимкѣ раскольническаго епископа, а отъ исправниковъ такія же точно пред-

пископъ Геннадій, освобожденный императоромъ Александромъ III.

:анія „съ нарочными“ понеслись къ становымъ
иставамъ. И вотъ снова повсюду начались рья-
е, энергическіе поиски „лжеепископа“.
Исправники вели особыя „памятныя записки“ или
:вники, въ которые они заносили всѣ свои наблю-
ія за дѣйствіями Геннадія. Они обязаны были
рого слѣдить за тѣми изъ мѣстныхъ старообряд-
зъ, у которыхъ происходили частыя собранія, бо-
моленія и т. п. Въ то время не существовало еще
ядниковъ, поэтому въ селахъ и деревняхъ поимка
ннадія была возложена исправниками на „особо-
бранныхъ людей“, главнымъ образомъ, на волост-
хъ и сельскихъ писарей, которые обязаны были
рко слѣдить за всѣми пріѣзжими и вновь появляю-
імися лицами.
Однако время шло, а Геннадій не попадался. Ис-
авники аккуратно доносили, что, „несмотря на
:возможныя мѣры, принятыя ими къ поимкѣ ра-
ольническаго лжеепископа Геннадія, таковаго во
ѣренномъ имъ уѣздѣ не оказалось“. Такъ прошло
лгода, прежде чѣмъ полиціи снова удалось напасть
слѣды лжеепископа.
Въ концѣ мая 1862 г. черезъ село Бѣлоярское
катеринбургскаго уѣзда) проѣзжалъ какой-то неиз-
:стный человѣкъ. Такъ какъ онъ проѣзжалъ „на
аточныхъ лошадяхъ въ подрывъ вольной почтѣ“,
станціонный смотритель Бѣлоярской станціи, Пи-
цкій, остановилъ его и потребовалъ отъ него видъ,
которому тотъ проѣзжалъ. У „неизвѣстнаго че-
вѣка не оказалось ни вида ни паспорта. Это воз-
дило подозрѣніе въ Пилецкомъ; онъ наотрѣзъ
казалъ незнакомцу въ лошадяхъ и грозилъ доне-
и о немъ начальству.
Положеніе проѣзжаго незнакомца было весьма

критическое, тѣмъ не менѣе онъ нимало не п
рялся. Неизвѣстно какимъ образомъ, о происшес
на станціи узнаетъ одинъ изъ мѣстныхъ раскол
ковъ, крестьянинъ Бѣлоярской волости Тимоѳей
ваковъ и немедленно является къ Пилецкому. И в
благодаря „содѣйствію Чувакова“, смотритель
лецкій соглашается отпустить таинственнаго не
комца, за что и получаетъ тридцать рублей ден
А незнакомецъ получаетъ лошадей и ѣдетъ да
но уже не одинъ, а въ сопровожденіи „расколь
ка“ Чувакова.

Объ этомъ узнаетъ волостной писарь Бѣлоярс
волости Ѳедотовскій, принадлежавшій къ числу т
„особо-избранныхъ“ людей, на обязанности котор
лежало способствовать поимкѣ Геннадія. Услых
о происшествіи на станціи и сообразивъ, что „т
дѣло не ладно“, Ѳедотовскій немедленно же отп
вился въ погоню за „неизвѣстнымъ человѣкомъ“

Однако всѣ его поиски не привели ни къ че
таинственный путешественникъ исчезъ безслѣд
словно въ воду канулъ. „Вѣроятно, Чуваковъ,—
гадывался впослѣдствіи писарь,—замѣтивъ за со
преслѣдованіе и пользуясь темнотою ночи, усп
скрыть неизвѣстнаго человѣка“. При всемъ эт
писарь былъ совершенно убѣжденъ, что скрывш
неизвѣстный человѣкъ былъ не кто другой, к
именно раскольничій епископъ Геннадій.

Это же самое убѣжденіе раздѣлялъ и екатер
бургскій земскій исправникъ, который 29-го мая
лучилъ подробное донесеніе по этому поводу
мѣстнаго станового пристава. „Надобно полаг
что это былъ Геннадій“, пишетъ исправникъ въ
портѣ своему губернатору. И вотъ онъ поруча
становому приставу „произвести строжайшее ф

альное слѣдствіе надъ станціоннымъ смотрителемъ Пилецкимъ и государственнымъ крестьяниномъ Чуаковымъ, при участіи депутатовъ, какъ со стороны очтоваго вѣдомства, такъ и управленія государтвенными имуществами".

При слѣдствіи, смотритель Пилецкій и раскольикъ Чуваковъ „силились доказать", что проѣзжій ылъ кунгурскій мѣщанинъ Ѳедоръ Григорьевъ, фаиліи котораго они не знаютъ. Но эти увѣренія ниого не убѣдили, и исправникъ попрежнему остался ри мнѣніи, что скрывшійся незнакомецъ „непремѣнно олженъ быть лжеепископъ Геннадій". Онъ сожаѣлъ, что поздно узналъ о проѣздѣ подозрительной ичности и потому не могъ принять личнаго участія ъ преслѣдованіи.

Въ рапортѣ своемъ губернатору исправникъ, сообщая, что Геннадій часто ѣздитъ по вольной почтѣ, калуется на станціонныхъ смотрителей, которые своодно даютъ лошадей всякому проѣзжему; по его ловамъ, это даетъ полную возможность разымъ подозрительнымъ личностямъ ускользать отъ реслѣдованій полиціи. Онъ проситъ губернатора нестись съ губернской почтовой конторой и при я содѣйствіи обязать всѣхъ станціонныхъ смотриелей—въ случаѣ проѣзда Геннадія, немедленно заержать его. Но распоряженіе это, заботливо прибавляетъ исправникъ, станціонные смотрителя долкны держать въ строжайшемъ секретѣ.

Убѣжденный этими доводами, губернаторъ сноситcя съ губернскою почтовою конторой, которая и обязываетъ станціонныхъ смотрителей слѣдить за появленіемъ подозрительныхъ лицъ и, въ случаѣ проѣзда „лжеепископа Геннадія", немедленно задержать его.

V.

Арестъ.

Проходитъ еще полгода, а о Геннадіи, какъ говорится, ни слуху ни духу. Какъ вдругъ, 7-го декабря 1862 года, въ Перми получается такая телеграмма: „Пермь. Военному губернатору.—Въ Екатеринбургѣ взятъ мною лжеепископъ Геннадій. Екатеринбургскій полицеймейстеръ Пестеревъ“.

По полученіи телеграммы, губернаторъ тотчасъ же телеграфируетъ объ арестѣ Геннадія министру внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ отправляется телеграмма Пестереву такого содержанія: „Екатеринбургъ. Полицеймейстеру.—Душевно благодарю, Геннадія обыщите, посадите подъ строжайшій караулъ, чтобы не ушелъ. Возьмите его грамоту. О послѣдующемъ увѣдомьте.—Лошкаревъ“.

Это тотъ самый г. Лошкаревъ, который недавно получилъ такую громкую и въ то же время такую печальную извѣстность въ качествѣ главнаго участника и покровителя разныхъ болѣе чѣмъ некрасивыхъ дѣяній бывшаго минскаго губернатора г. Токарева. Занимая въ послѣднее время должность члена совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ-лейтенантъ Лошкаревъ, какъ воочію доказалъ недавній процессъ, оказывалъ огромное содѣйствіе своимъ вліяніемъ успѣху разныхъ затѣй г. Токарева.

Нашъ очеркъ застаетъ г. Лошкарева на посту пермскаго военнаго губернатора.

Вслѣдъ за телеграммой было получено отъ полицеймейстера Пестерева донесеніе, сообщавшее подробности ареста Геннадія. Въ началѣ донесенія полицеймейстеръ упоминаетъ о своихъ трудахъ, понесенныхъ имъ въ дѣлѣ поисковъ и выслѣживаніи за Геннадіемъ. „Мною,—пишетъ онъ,—были принимаемы всевозможныя мѣры и способы къ поимкѣ лжеепископа Геннадія, но всѣ они долгое время оставались безъ успѣха. Наконецъ, 5-го декабря Геннадій пойманъ въ домѣ проживающаго въ Екатеринбургѣ колыванскаго купца Чувакова. Вмѣстѣ съ нимъ взятъ временно-обязанный крестьянинъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, Владимирской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, деревни Сергѣевой, Ксенофонтъ Макаровъ Вяхиревъ, показавшій себя священникомъ".

При обыскѣ у Геннадія найдена была ставленная грамота, данная на имя „Геннадія, епископа пермскаго", за подписью „Антонія, архіепископа владимирскаго и всея Россіи"; кромѣ того, на немъ оказались: наплечная мантія, камилавка и на шеѣ кипарисный крестъ на шнуркѣ, вмѣстѣ съ особымъ бархатнымъ значкомъ, на которомъ шелками и золотомъ вышито изображеніе креста. При Вяхиревѣ взята вмѣстѣ съ паспортомъ грамота, за подписомъ епископа Геннадія, на чинъ священника Ксенофонта.

Домъ Чувакова былъ подвергнутъ самому тщательному обыску и осмотру; но при этомъ найдено было лишь нѣсколько книгъ и напрестольная пелена, другихъ же вещей, относящихся до богослуженія, не оказалось. Уже послѣ ареста Геннадія, на улицѣ, неподалеку отъ дома Чувакова, найденъ былъ узелъ

и въ немъ оказалась „шелковая соборная архіерейская мантія, которую Геннадій призналъ за принадлежащую ему“.

Что касается наружности или, какъ выражается донесеніе, „примѣтъ“ лжеепископа, то полицеймейстеръ описываетъ его: „Геннадію 38 лѣтъ отъ роду, росту онъ 2 арш. 4 верш., лицо имѣетъ чистое, мусколоватое, сухощавъ, глаза сѣрые, впалые, носъ небольшой, волосы темнорусые, усы и борода рыжеватые“.

„Примѣты эти,—прибавляетъ Пестеревъ,—вполнѣ подходятъ подъ описаніе наружности Геннадія“, и вслѣдъ затѣмъ онъ заканчиваетъ свой рапортъ словами: „обо всемъ вышеизложенномъ произвожу строгое изслѣдованіе“.

Здѣсь будетъ кстати сообщить разсказъ сына Пестерева, студента Казанскаго университета, съ которымъ намъ пришлось встрѣтиться прошлымъ лѣтомъ во время поѣздки на Уралъ,—разсказъ о подробностяхъ, сопровождавшихъ арестъ Геннадія. По его словамъ, дѣло происходило такимъ образомъ:

6-го декабря 1862 года, отецъ разсказчика, екатеринбургскій полицеймейстеръ Пестеревъ, встрѣтилъ на улицѣ неизвѣстнаго ему человѣка, который, остановившись, сказалъ ему:

— Если вы хотите захватить Геннадія, то ступайте въ домъ купца Чувакова,—онъ отправляетъ тамъ богослуженіе... Подойдите къ двери и постучитесь, а когда васъ спросятъ, кто такой, то отвѣчайте такъ: „Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Свои“. Тогда вамъ отворятъ.

Г. Пестеревъ такъ и сдѣлалъ. Подходя къ дому Чувакова, онъ замѣтилъ, что на углу стоитъ караульный, который поглядываетъ по сторонамъ, нѣтъ

ли опасности. Полицеймейстеръ неожиданно бросился на него, но онъ рванулся и пустился было бѣжать; однако г. Пестеревъ схватилъ его и остановилъ. Караульный закричалъ.

— Только пикни, — сказалъ полицеймейстеръ, — я тебѣ всѣ кишки выпущу!

Оставивъ караульнаго солдатамъ, которые слѣдовали за нимъ, г. Пестеревъ отправился въ домъ. Постучался. „Кто такой?“ спрашиваютъ изнутри, не отворяя дверей. Полицеймейстеръ прочелъ „Господи Іисусе“ и прибавилъ „свои“. Тогда дверь полуотворилась, но затѣмъ тотчасъ же снова была захлопнута. Дѣло въ томъ, что г. Пестеревъ забылъ перемѣнить форменную фуражку, поэтому раскольники какъ только увидали его кокарду, тотчасъ же быстро захлопнули дверь. Разумѣется, это ни къ чему не повело, — полиція силой вломилась въ домъ.

Арестованный вмѣстѣ съ Геннадіемъ въ домѣ Чувакова „лжесвященникъ“ Ксенофонтъ Вяхиревъ показалъ, что онъ долгое время проживалъ въ Катавъ Ивановскомъ заводѣ, Уфимскаго уѣзда, въ домѣ временно-обязаннаго крестьянина Павла Киселева. Здѣсь „общество единомышленниковъ“ сдѣлало ему предложеніе быть у нихъ священникомъ, и онъ изъявилъ на это согласіе.

Тогда епископъ Геннадій, въ февралѣ 1861 года, рукоположилъ его сначала въ діаконы, а потомъ и во священники. Обрядъ посвященія былъ совершенъ въ келліи, находящейся въ лѣсахъ, близъ горы Юрмы, около Златоустовскаго завода. Съ этого времени Ксенофонтъ Вяхиревъ носитъ санъ священника, на который ему выдана ставленная грамота за подписью епископа Геннадія. По праву священника, онъ постоянно совершаетъ у своихъ прихожанъ всѣ

требы: креститъ, „каетъ“, хоронитъ и т. п. Въ Екатеринбургъ онъ прибылъ вслѣдствіе вызова епископа Геннадія, который прислалъ къ нему письмо съ предложеніемъ явиться въ Екатеринбургъ, но вскорѣ по прибытіи его туда онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ.

Кромѣ Вяхирева, въ домѣ Чувакова, вмѣстѣ съ Геннадіемъ, былъ арестованъ еще „лжеиподіаконъ“ Василій Ивановъ Кульковъ. Будучи призванъ къ допросу, Кульковъ объяснилъ, что онъ—старообрядецъ, сынъ уволеннаго отъ обязательной службы мастерового Міасскаго завода. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Екатеринбургъ съ цѣлью пріисканія мѣста и вступленія въ бракъ съ „избранною невѣстой“. 11-го ноября, въ домѣ купца Михаила Ушкова, онъ былъ „свѣнчанъ“ по обряду старообрядческому съ „работническою дочерью“ Авдотьею Черепановой. Обрядъ бракосочетанія совершалъ епископъ Геннадій; по окончаніи „свѣнчанія“ Кульковъ былъ поставленъ Геннадіемъ въ „иподіаконы“.

VI.

Секретный совѣщательный комитетъ.

Едва успѣлъ совершиться арестъ Геннадія, какъ по Екатеринбургу начали ходить слухи, которые набрасывали невыгодную тѣнь на дѣйствія лицъ, производившихъ этотъ арестъ. Городская молва указывала на какія-то злоупотребленія, будто бы, допущенныя при арестѣ лжеепископа; произносилось страшное слово взятка; въ довершеніе всего выражалась твердая увѣренность, что Геннадій непремѣнно уйдетъ изъ-подъ ареста.

Слухи эти скоро перешли въ Пермь; здѣсь они не могли, разумѣется, не встревожить мѣстнаго начальства и, главнымъ образомъ, членовъ секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о расколѣ. Такіе комитеты, какъ извѣстно, существовали въ то время во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ расколъ успѣлъ развиться съ особенною силой. Постоянными членами этихъ комитетовъ были: губернаторъ, архіерей, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія и нѣкоторыя другія лица изъ числа высшей губернской бюрократіи.

14-го декабря пермскій секретный совѣщательный комитетъ собрался въ особое засѣданіе, чтобы обсудить частныя свѣдѣнія, полученныя нѣкоторыми изъ членовъ комитета относительно обстоятельствъ,

сопровождавшихъ арестъ Геннадія. По этимъ свѣдѣніямъ оказывалось, что „при поимкѣ Геннадія полиція вступила въ домъ купца Чувакова не тотчасъ, а по истеченіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе чего Геннадій, совершавшій служеніе, получилъ возможность переодѣться и такимъ образомъ не былъ накрытъ на мѣстѣ преступленія".

Далѣе выяснилось, что поимкѣ Геннадія главнымъ образомъ содѣйствовала враждебная геннадіевской „пафнутіевская" партія раскольниковъ, слѣдующая другому лжеепископу, Пафнутію, присланному будто изъ Москвы на смѣну Геннадію". Такимъ образомъ, въ перспективѣ всплывало новое дѣло—о новомъ лжеепископѣ Пафнутіи.

Съ цѣлью охарактеризовать отношеніе членовъ совѣщательнаго комитета къ дѣлу, привожу съ буквальною точностью постановленіе, состоявшееся по этому поводу въ комитетѣ 14-го декабря: „Секретный совѣщательный комитетъ, принимая во вниманіе: первое, что найденная при Геннадіи ставленная грамота отъ Антонія, называющаго себя архіепископомъ владимирскимъ и всея Россіи, указываетъ на связь съ другими губерніями, чрезъ что, при надлежащемъ развитіи, дѣло это можетъ получить государственную важность, и второе, что слѣдствію по этому дѣлу должно дать возможно полное развитіе и быстрый ходъ, при чемъ, преградивъ виновнымъ всякую возможность уклониться отъ законной отвѣтственности, отвратить всѣ могущія возникнуть попытки къ подлогамъ и извращенію истинной силы обстоятельствъ дѣла, возможныя въ дѣлахъ сего рода, — опредѣляетъ:

„Просить г. жандармскаго штабъ-офицера, полковника Комарова, безотлагательно отправиться

въ Екатеринбургъ и, принявъ во вниманіе вышеизложенныя соображенія комитета, удостовѣриться, не было ли при поимкѣ Геннадія сдѣлано какихъ-либо упущеній, правильно ли во всѣхъ отношеніяхъ производится слѣдствіе и не слѣдуетъ ли по важности онаго назначить особую слѣдственную комиссію при участіи его, полковника Комарова".

Вмѣстѣ съ этимъ, комитетъ обязалъ Комарова войти въ личныя сношенія съ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ и вообще употребить съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы „настоящему дѣлу дано было полное развитіе, котораго важность онаго требуетъ". Въ особенности же онъ долженъ былъ принять мѣры къ непремѣнному отвращенію всякой возможности виновнымъ уклониться отъ заслуженнаго ими наказанія. Наконецъ, Комаровъ обязанъ былъ выяснить дѣло о новомъ „лжеепископѣ Пафнутіи".

Копіи съ этого постановленія были представлены комитетомъ въ Синодъ и министру внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ такая же копія препровождена подполковнику Комарову „для исполненія". По полученіи ея, Комаровъ тотчасъ же входитъ съ представленіемъ къ губернатору объ отпускѣ ему 85 руб. на поѣздку въ Екатеринбургъ, а губернаторъ пишетъ объ этомъ въ казенную палату, которая немедленно же дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ Комарову „просимой суммы".

Комаровъ уѣзжаетъ въ Екатеринбургъ, а 18-го декабря отъ него уже получается телеграмма на имя губернатора такого содержанія: „У Геннадія взято письмо московскаго раскольническаго комитета, подписанное всѣми членами. Грамоты Фелькнеръ отправилъ въ Петербургъ. Необходимо Геннадія вы-

везти (отсюда), — онъ уже разъ былъ подмѣненъ въ кунгурскомъ острогѣ. Онъ—мастеровой Лысвинскаго завода. Дѣло очень важное. Жду приказаній.—Комаровъ".

Въ отвѣтъ на это 22-го декабря ему была отправлена такая телеграмма: „Екатеринбургъ. Полковнику Комарову.—Ежели, по окончаніи порученія, выѣдете, примите мѣры осторожности при отправкѣ арестанта, если министръ его потребуетъ.—Лошкаревъ".

Не получивъ отвѣта на эту телеграмму, губернаторъ на другой же день, 23-го декабря, снова телеграфируетъ Комарову, на имя полицеймейстера Пестерева: „Передайте Комарову ожидать моего приказанія. Если онъ выѣхалъ, то увѣдомите, представлено ли дѣло о Геннадіи въ судъ".

Въ отвѣтъ на это летитъ телеграма: „Комаровъ выѣхалъ. Слѣдствіе о Геннадіи оканчивается.—Полицеймейстеръ Пестеревъ".

Но все это, какъ видно, весьма мало успокоивало губернатора. Мысль о возможности побѣга со стороны Геннадія сильно смущала г. Лошкарева, и безпокойство это еще болѣе усиливалось въ немъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ, повидимому, не питалъ особеннаго довѣрія къ лицамъ, направлявшимъ слѣдствіемъ.

Какъ на бѣду, въ это самое время отъ главнаго начальника горныхъ заводовъ, Фелькнера, получается отношеніе, которое неминуемо должно было еще болѣе усилить тревогу губернатора: „Этотъ человѣкъ,—писалъ Фелькнеръ о Геннадіи,—прежде сего дважды уже былъ пойманъ—сначала въ Оренбургской, а потомъ въ Пермской губерніяхъ, а въ 1855 году онъ содержался въ пермскихъ арестантскихъ ротахъ, но всегда успѣвалъ бѣжать. Самое укрыва-

тельство его среди раскольниковъ было облечено такой тайной, что было трудно проникнуть ее, а при одномъ изъ побѣговъ, послѣ поимки его въ Кнауфскомъ заводѣ, Геннадій былъ даже подмѣненъ другимъ арестантомъ".

Въ виду подобныхъ прецедентовъ, Фелькнеръ настаивалъ на необходимости „принятія особыхъ мѣръ, чтобы Геннадій снова не скрылся". Между прочимъ, онъ предлагалъ, „по окончаніи слѣдствія надъ Геннадіемъ, содержать его въ особомъ мѣстѣ заключенія, какъ, напримѣръ, въ монастырѣ, куда было бы безопаснѣе отправить его съ жандармами. Такимъ образомъ Фелькнеръ первый какъ бы предрѣшилъ дальнѣйшую судьбу лжеепископа.

Получивъ такое посланіе, губернаторъ начинаетъ волноваться больше прежняго, и результатомъ этого настроенія является новая телеграмма на имя полицеймейстера Пестерева (отъ 26-го декабря): „Окончивъ слѣдствіе, передайте скорѣе дѣло Геннадія въ уѣздный судъ, и какъ только онъ суду не будетъ нуженъ, привезите его въ Пермь подъ строгимъ карауломъ.—Лошкаревъ".

Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, мы уже не встрѣчаемся болѣе съ дѣятельностью секретнаго совѣщательнаго комитета; зато тѣмъ чаще встрѣчаются распоряженія, идущія прямо и непосредственно отъ начальника губерніи, г. Лошкарева.

Въ одномъ изъ своихъ представленій въ Петербургъ губернаторъ, между прочимъ, писалъ: „Геннадій не отвергаетъ званія епископа, напротивъ, показываетъ, что такихъ епископовъ, какъ онъ, въ Россіи двѣнадцать и что имъ, Геннадіемъ, поставлено въ разное время 23 священника. Это указываетъ, что онъ составляетъ звено правильно устроеннаго обще-

ства, дѣйствующаго во многихъ губерніяхъ, центромъ коего—г. Москва, и что общество это чувствовало себя уже въ такой степени самостоятельнымъ, что Геннадій не счелъ нужнымъ скрывать объ его существованіи. А потому, чтобы слѣдствіе не осталось при исключительно мѣстномъ значеніи, я бы полагалъ полезнымъ вызвать его въ Петербургъ для дальнѣйшихъ разслѣдованій по его указаніямъ".

Помимо этого, вызовъ Геннадія въ Петербургъ, по мнѣнію губернатора, желателенъ еще потому, что вмѣстѣ съ нимъ въ значительной степени устранилась бы возможность побѣга или подмѣны Геннадія другимъ лицомъ; оставлять же Геннадія въ предѣлахъ Пермской губерніи особенно опасно въ виду явной „приверженности къ нему мѣстнаго раскольническаго населенія". Г. Лошкаревъ напоминаетъ при этомъ, что Геннадій уже три раза бѣгалъ изъ-подъ стражи и укрывался отъ заслуженнаго имъ наказанія.

VII.

„Лжепопы“ и „лжемонахи“.

Въ числѣ лицъ, которыя относились къ дѣлу Геннадія съ особеннымъ рвеніемъ, стараясь, какъ говорится, „раздуть“ его и выискать возможно большее количество уликъ противъ Геннадія и его „сообщниковъ“, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта генералу Фелькнеру. Съ самаго начала слѣдствія онъ принималъ дѣятельное, горячее участіе во всемъ, что только такъ или иначе относилось къ дѣлу.

Не довѣряя мѣстнымъ властямъ, Фелькнеръ поспѣшилъ отправить въ Петербургъ, къ министру финансовъ, грамоты, которыя были найдены у Геннадія при арестѣ его и которыя указывали на существованіе въ Россіи цѣлой правильно организованной духовной старообрядческой іерархіи. Фелькнеръ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы открыть и дознать, изъ кого именно состоитъ эта таинственная іерархія, повсюду разсѣявшая своихъ агентовъ, и кто тѣ лица, которыя играютъ въ этой іерархіи роль епископовъ, священниковъ, монаховъ.

Обо всемъ, что только выяснялось слѣдствіемъ, по вопросу объ этой „противозаконной іерархіи“, Фелькнеръ тотчасъ же сообщалъ пермскому губер-

натору и настойчиво просилъ его распоряженій о розыскѣ и поимкѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе, что они такъ или иначе участвовали въ этой „самозванной іерархіи“. Послѣ первыхъ допросовъ, которымъ былъ подвергнутъ арестованный епископъ, Фелькнеръ писалъ Лошкареву: „Геннадій при допросахъ сдѣлалъ указаніе на пребываніе въ разныхъ мѣстахъ и уѣздахъ Пермской губерніи мнимодуховныхъ лицъ, поставленныхъ имъ во священники, съ выдачею ставленныхъ грамотъ. Изъ какого именно званія происходятъ эти лица, Геннадій отозвался незнаніемъ, объяснивъ только, что нѣкоторыя изъ нихъ въ означенныхъ мѣстахъ проживаютъ въ своихъ собственныхъ домахъ“. При этомъ Фелькнеръ приводитъ именной списокъ указанныхъ Геннадіемъ лицъ.

Далѣе, по словамъ Фелькнера, Геннадій высказалъ на допросѣ, что въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ въ Екатеринбургѣ проѣздомъ въ Сибирь епископъ Пафнутій, отправлявшійся для учрежденія сибирской раскольнической іерархіи *). По указанію Геннадія, Пафнутій выбылъ изъ Екатеринбурга, но куда именно—неизвѣстно. Лжеепископъ Пафнутій, судя по разсказамъ Геннадія, имѣетъ около пятидесяти лѣтъ отъ роду и большую окладистую бороду съ просѣдью. Въ заключеніе, Фелькнеръ настаиваетъ на необходимости немедленно же принять мѣры къ розыску и поимкѣ какъ Пафнутія, такъ и другихъ лицъ, указанныхъ Геннадіемъ.

Съ своей стороны губернаторъ также не щадилъ никакихъ усилій для того, чтобы дознать, изъ кого

*) Свиданія Геннадія съ Пафнутіемъ происходили на заводѣ купца Ушакова и въ домѣ купчихи Анны Блохиной, близъ Екатеринбурга.

именно состоитъ и кѣмъ заправляется эта неуловимая, прочно установившаяся организація, извѣстная подъ именемъ старообрядческой іерархіи. Его усилія въ этомъ направленіи не остались безъ результатовъ, и вскорѣ ему удалось открыть имена лицъ, занимавшихъ высшія ступени старообрядческой іерархіи. Жандармскій полковникъ Комаровъ, на запросъ губернатора по этому поводу, доставилъ ему слѣдующій списокъ старообрядческихъ епископовъ:

1) Архіепископъ владимирскій и всея Россіи Антоній.
2) Епископъ Онуфрій—предсѣдатель духовнаго совѣта въ Москвѣ.
3) „ симбирскій—Софроній. (Всѣ трое поставлены митрополитомъ Кирилломъ).
4) „ саратовскій—Аѳанасій.
5) „ казанскій—Пафнутій.
6) „ кавказскій—Іовъ.
7) „ Варлаамъ, безъ епархіи.
8) „ коломенскій—Пафнутій (запрещенный).
9) „ Израиль } оба безъ епархіи.
10) „ Константинъ } оба безъ епархіи.
11) „ уральскій—Виталій.
12) „ пермскій—Геннадій.

Въ свою очередь, Фелькнеръ доставилъ губернатору подробный списокъ всѣхъ тѣхъ „мнимодуховныхъ“ лицъ (помимо епископовъ), о которыхъ упоминалось въ показаніяхъ Геннадія.

Вотъ этотъ списокъ:

„Лжеиноки“ и „лжеіеромонахи“.

Ананій (пойманъ и содержится въ г. Сарапулѣ),

Аввакумъ, Константинъ, Іона, Паисій, Іовъ и Савватій.

„Лжепопы“: Зиновій, Аристархъ и Іоаннъ — всѣ трое сарапульскіе, Евсигней—екатеринбургскій, Софоній—сыльвинскій, Иларіонъ, Іоаннъ и Александръ—оханскіе, Іоаннъ и Макарій—ялуторовскіе, Ксенофонтъ—Катавскаго завода (пойманъ въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Геннадіемъ), Алексѣй—Златоустовскаго округа, Александръ—шадринскій, Семенъ и Филиппъ—сибирскіе.

„Лжеіеродіаконы“: Коментарій (пойманъ въ Екатеринбургѣ), Корнилій и Максимъ.

И, наконецъ, „лжедіаконъ“ Романъ, „лжеиподіаконъ“ Василій (пойманъ въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Геннадіемъ) и „священнописецъ“ Германъ—Златоустовскаго завода.

Препровождая эти списки губернатору, Фелькнеръ снова повторяетъ просьбу о розыскѣ и поимкѣ, какъ Пафнутія, такъ и всѣхъ другихъ „мнимодуховныхъ“ лицъ, значащихся въ спискахъ. Характерна резолюція, положенная Лошкаревымъ на бумагѣ Фелькнера: „Сообщить секретно полиціи, чтобы непремѣнно были пойманы“. Коротко и внушительно!

И вотъ снова летятъ секретныя предписанія „ко всѣмъ гражданскимъ и земскимъ полиціямъ Пермской губерніи“ о розыскѣ и поимкѣ лжепоповъ, лжемонаховъ, лжеепископовъ. Въ то же время сообщается генералъ губернатору Западной Сибири о розыскѣ лжеепископа Пафнутія. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, губернаторъ доноситъ о нихъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Не трудно себѣ представить тѣ ближайшія послѣдствія, какія должны были вызвать эти энергическія распоряженія и предписанія. Исправники и ста-

новые, имѣя передъ собою столь категорическое требованіе начальства о непремѣнной поимкѣ „мнимодуховныхъ лицъ“, не гнушались никакими способами, никакими средствами, чтобы выслѣдить и захватить этихъ лицъ. Обыски, аресты, облавы и т. п. „мѣры“ практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но всѣ эти мѣры вели лишь къ тому, что населеніе губерніи, состоящее почти наполовину изъ старообрядцевъ разныхъ толковъ, еще болѣе замкнулось въ себѣ, еще болѣе стало таиться отъ власти, еще крѣпче стало беречь и хоронить своихъ поповъ и монаховъ. Въ концѣ концовъ, исправники, несмотря на все свое рвеніе выполнить волю начальства, потерпѣли полное фіаско и принуждены были рапортовать, что, „несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя ими къ поимкѣ мнимодуховныхъ лицъ, таковыхъ во ввѣренныхъ имъ уѣздахъ не оказалось“.

Счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи былъ оханскій исправникъ. Въ уѣздѣ его по списку значилось трое лжесвященниковъ: Александръ, Іоаннъ и Иларіонъ. Исправнику удалось „дознать, что священникъ Александръ есть не кто другой, какъ временно-обязанный крестьянинъ графини Строгановой, Александръ Михайловъ Путинъ, священникъ Іоаннъ— государственный крестьянинъ деревни Стариковой Иванъ Ивановъ Чечкинъ и, наконецъ, священникъ Иларіонъ—не кто другой, какъ временно-обязанный крестьянинъ деревни Пьянковой, Иларіонъ Семеновъ Пьянковъ.

Далѣе исправникъ „дозналъ“, что Путинъ, Чечкинъ и Пьянковъ, дѣйствительно, выдаютъ себя за священниковъ, что они вѣнчаютъ браки, отправляютъ разныя требы и т. п. „Узнавъ объ этомъ,—

пишетъ исправникъ,—я немедленно же отправился въ деревню Старикову и произвелъ обыскъ въ домѣ крестьянина Чечкина". При этомъ обыскѣ найдено подъ поломъ множество образовъ и книгъ религіознаго содержанія. Все это было отобрано, описано и отправлено въ Пермь къ губернатору.

Просматривая описи отобранныхъ при обыскѣ вещей, вы встрѣчаете тамъ: лѣстовки, поясъ изъ бѣлой парчи съ шелковыми завязками изъ красныхъ лентъ, кресты, двѣ тетради, писанныя полууставомъ, изъ которыхъ одна начинается словами: „Прекрасная мати пустыня", на 9 листахъ, а другая безъ начала и конца, на 17 листахъ, печатныя книги въ кожаныхъ доскахъ; одна изъ такихъ книгъ называется „Символомъ". Но особенно много было найдено и отобрано деревянныхъ иконъ и мѣдныхъ складней.

Чечкинъ былъ немедленно арестованъ. Затѣмъ становымъ приставамъ было предписано исправникомъ произвести обыски у остальныхъ заподозрѣнныхъ лицъ, т.-е. у Путина и Пьянкова, и также арестовать ихъ. Когда все это было исполнено, исправникъ вошелъ къ губернатору съ вопросомъ, что ему дѣлать съ арестованными „лжепопами" и не отправить ли ихъ въ Пермь.

Но такъ какъ и самъ губернаторъ не зналъ хорошенько, какое именно направленіе приметъ возбужденное дѣло, то и не могъ разрѣшить недоумѣнія исправника. Послѣднему было дано знать только, чтобы онъ „учредилъ строжайшій надзоръ за арестованными лжепопами и оставилъ бы ихъ въ Оханскѣ впредь до особаго распоряженія".

VIII.

Неудавшаяся попытка.

Вѣсть объ арестѣ Геннадія быстро разнеслась по Екатеринбургу и его окрестностямъ. Больше всего этому способствовали старообрядцы, присутствовавшіе при богослуженіи въ домѣ Чувакова въ день ареста лжеепископа (6-го декабря). Всего на этомъ богослуженіи присутствовало семьдесятъ человѣкъ; всѣ они были опрошены полицеймейстеромъ Пестеревымъ и затѣмъ отпущены по домамъ.

Въ числѣ этихъ лицъ находился, между прочимъ, крестьянинъ деревни Пепляковъ, Урминской волости, Владимиръ Кондратьевъ Перинъ, горячій приверженецъ Геннадія. Незадолго до происшествія 6-го декабря, Перинъ прибылъ въ Екатеринбургъ съ тѣмъ чтобы принять священство отъ Геннадія, но внезапный арестъ лжеепископа помѣшалъ этому.

Есть много основаній полагать, что Геннадій пользовался большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго старообрядческаго населенія; понятно, поэтому, что арестъ его не могъ не произвести между ними сильнаго впечатлѣнія. Послѣдователи Геннадія рѣшили хлопотать объ его освобожденіи, думая для этого пустить въ ходъ подкупъ. Предполагалось, въ случаѣ успѣха, переправить Геннадія за границу. Съ этою цѣлью Перинъ добился свиданія съ арестованнымъ

епископомъ, который содержался въ это время при екатеринбургскомъ полицейскомъ управленіи, куда онъ былъ препровожденъ тотчасъ же послѣ ареста. Какимъ образомъ устроилось это свиданіе, изъ дѣлъ не видно; но, судя по многимъ даннымъ, можно заключить, что Геннадія содержали въ Екатеринбургѣ совсѣмъ не подъ такимъ „строжайшимъ карауломъ“, о какомъ писалъ губернаторъ Лошкаревъ.

При свиданіи Геннадій просилъ Перина отправиться въ Москву вмѣстѣ съ другимъ старообрядцемъ, екатеринбургскимъ мѣщаниномъ, фамилія котораго не была обнаружена слѣдствіемъ. Въ Москвѣ Перинъ и его товарищъ, прежде всего, должны были подать прошеніе „тамошнему лжепатріарху и архіепископу Антонію“ съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ, на ихъ обязанность было возложено „сдѣлать гласнымъ арестъ Геннадія среди общества московскихъ купцовъ-старообрядцевъ“, со стороны которыхъ ожидалось активное и вѣское содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія Геннадія изъ-подъ стражи.

Прошеніе на имя архіепископа Антонія было написано одною „екатеринбургскою купеческою дѣвицею“, фамилія которой также не была открыта. Получивъ прошеніе и всѣ нужныя наставленія, Перинъ, въ сопровожденіи товарища своего, екатеринбургскаго мѣщанина-старообрядца, двинулся въ путь, но прежде заѣхалъ къ себѣ домой въ свою деревню, чтобы „выправить паспортъ“.

Здѣсь сотоварищъ его „за старостью и болѣзнью“ отказался ѣхать въ Москву и просилъ Перина, чтобъ онъ одинъ отправился къ Антонію, при чемъ передалъ ему деньги на расходы, а самъ вернулся обратно въ Екатеринбургъ. Тогда Перинъ пригласилъ ѣхать

съ собою въ Москву брата своего, Тита Кондратьева Перина.

Братья пришли въ волость и заявили о выдачѣ имъ паспортовъ на отлучку.

— Зачѣмъ вамъ паспорты? Куда вы ѣдете?—спрашивали ихъ въ волости.

— Ѣдемъ въ Пермь хлопотать о переселенiи въ Томскую губернiю,—отвѣчали Перины.

Получивъ паспорты, Перины 17-го декабря выѣхали изъ дома по направленiю къ Перми, разсчитывая тамъ взять билетъ конторы вольныхъ почтъ. Но едва они успѣли сдѣлать нѣсколько станцiй, какъ вслѣдъ за ними отправляется погоня: оказалось, что замыслы ихъ были открыты полицiей.

Периныхъ выдалъ мастеровой Тисовскаго завода, Красноуфимскаго уѣзда, Николай Ивановъ Васильевъ, который находился въ это время въ Урмахъ, занимаясь шитьемъ платья. Васильевъ ходилъ изъ дома въ домъ, „обшивая крестьянъ". Въ то время, какъ Владимiръ Перинъ прiѣхалъ изъ Екатеринбурга, Васильевъ былъ у нихъ въ домѣ; такимъ образомъ, ему пришлось присутствовать при сборахъ братьевъ въ Москву съ цѣлью освободить Геннадiя и слышать тѣ разговоры, какiе велись по этому поводу.

Слѣдуетъ замѣтить, что Урминская волость считается однимъ изъ главныхъ центровъ раскола въ Пермской губернiи; почти все населенiе этой волости сплошь состоитъ изъ раскольниковъ. Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что Перинъ, явившись туда, совсѣмъ, повидимому, не считалъ нужнымъ (за исключенiемъ волости) скрывать о цѣли своего путешествiя.

Разговоры о необходимости освободить Геннадiя велись открыто, безъ всякихъ конспиративныхъ прiе-

мовъ и уловокъ. Васильевъ дѣлалъ видъ, что вполнѣ раздѣляетъ взгляды Периныхъ и сочувствуетъ ихъ замыслу; мало этого, онъ даже оказывалъ имъ услуги въ ихъ приготовленіяхъ. Такъ, когда Перинъ вложилъ въ пакетъ прошеніе на имя Антонія, то Васильевъ написалъ адресъ на этомъ пакетѣ и запечаталъ его.

Проводивъ Периныхъ въ путь, Васильевъ ѣдетъ въ Кунгуръ и доноситъ обо всемъ исправнику; исправникъ, памятуя губернаторскія предписанія о необыкновенной важности дѣла Геннадія, тотчасъ же садится въ сани и несется преслѣдовать Периныхъ. Онъ гонится за ними вплоть до Каяновской станціи, но не могъ нагнать и принужденъ былъ вернуться обратно.

Вслѣдъ за этимъ исправникъ шлетъ губернатору рапортъ, въ которомъ подробно излагаетъ все, что удалось ему узнать отъ Васильева относительно замысла братьевъ Периныхъ. Далѣе, онъ сообщаетъ №№, за которыми выданы Перинымъ паспорты, и описываетъ ихъ наружность или примѣты. По описанію исправника, Владиміръ Перинъ имѣетъ 31 годъ отъ роду, ростомъ 2 арш. $2^7/_8$ вершк., „волосы и брови нѣсколько темнорусые, глаза сѣрые, носъ и ротъ обыкновенные, подбородокъ круглый, лицо чистое, знаетъ грамоту, женатъ своднымъ бракомъ, особыхъ примѣтъ не имѣетъ“.

Вѣроятно, братья Перины были очень схожи между собою по внѣшности, такъ какъ примѣты другого брата Тита, по описанію исправника, совершенно совпадаютъ съ примѣтами Владиміра: тѣ же сѣрые глаза, то же „чистое лицо“, „круглый подбородокъ“, волосы и брови „нѣсколько темнорусые“, „носъ и ротъ обыкновенные“ и т. д. Подобное шаблонное описаніе едва ли могло сколько-нибудь облегчить по-

иски полиціи. Гораздо существеннѣе въ этомъ отношеніи было указаніе на № билета, взятаго Периными изъ кунгурской конторы вольныхъ почтъ.

Въ рапортѣ своемъ исправникъ напоминаетъ, что Геннадій есть не кто иной, какъ арестантъ Иларіонъ Старцевъ, бѣжавшій въ 1859 году при пересылкѣ его отъ исправника Юговскихъ заводовъ къ приставу 3-го стана Кунгурскаго уѣзда. Подмѣненный крестьяниномъ Курдюковымъ, Иларіонъ Старцевъ (Геннадій то жъ) скрылся тогда неизвѣстно куда. Курдюковъ же послѣ этого долгое время содержался въ кунгурскомъ тюремномъ замкѣ. Въ то же самое время и въ томъ же самомъ острогѣ содержался и мастеровой Васильевъ. За что именно и по какому дѣлу содержался въ тюрьмѣ Васильевъ, изъ рапорта не видно; извѣстно только, что „не за вѣру".

Изъ дѣлъ, бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи, не видно, что именно было предпринято по поводу рапорта кунгурскаго исправника, а также не видно, были ли пойманы Перины, или же они благополучно достигли Москвы. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, слѣдуетъ предполагать, что имъ удалось избѣжать преслѣдованій, но были ли они въ Москвѣ и если были, то что именно удалось имъ сдѣлать въ пользу задуманной цѣли, намъ не извѣстно. Какъ бы то ни было, но очевидно, что попытка ихъ добиться освобожденія Геннадія при помощи московскаго общества старообрядцевъ потерпѣла полное фіаско.

Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла о Геннадіи, мы еще разъ встрѣчаемся съ именемъ Владимира Перина. Оказывается, что, потерявъ надежду на помощь со стороны московскаго общества старообрядцевъ, онъ рѣшился обратиться съ ходатайствомъ объ освобожденіи Геннадія къ высшей власти.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года статсъ-секретарь у принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, препроводилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшее прошеніе проживающихъ въ Екатеринбургѣ крестьянъ Николая Журавлева и Владимира Перина объ освобожденіи изъ-подъ стражи раскольническаго епископа Геннадія, священника Вяхирева и иподіакона Кулькова.

Въ свою очередь, министръ внутреннихъ дѣлъ съ предложеніемъ отъ 15-го мая обратился къ пермскому губернатору и поручилъ ему объявить просителямъ, что такъ какъ „дѣло о лжеепископѣ Геннадіи, Вяхиревѣ и Кульковѣ находится въ производствѣ въ судебномъ мѣстѣ, то дальнѣйшее разрѣшеніе ихъ участи будетъ зависѣть отъ этого мѣста"...

IX.

Подъ стражею.

Мы уже упоминали, съ какимъ безпокойствомъ и тревогою слѣдилъ пермскій губернаторъ за производствомъ слѣдствія по дѣлу о Геннадіи. Ему все казалось, что мѣстныя власти недостаточно строго относятся къ Геннадію, недостаточно зорко слѣдятъ за нимъ, что онѣ не могутъ проникнуться сознаніемъ огромной „государственной важности“ этого дѣла Его пугаетъ и страшитъ мысль о томъ, что Геннадій, того гляди, уйдетъ изъ-подъ ареста. И вотъ онъ шлетъ въ Екатеринбургъ телеграмму за телеграммой о болѣе строгомъ караулѣ и надзорѣ за лжеепископомъ.

Вскорѣ обнаружилось, что безпокойство губернатора имѣло свои основанія. 5-го января 1863 года въ Перми получилась на имя губернатора бумага министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева, такого содержанія: „Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получены свѣдѣнія, что задержанный въ г. Екатеринбургѣ лжеепископъ Геннадій содержится подъ присмотромъ въ полицейскомъ домѣ, гдѣ свободно навѣщаютъ его раскольники и особенно жены ихъ, между которыми есть много весьма богатыхъ. Они относятся къ нему съ уваженіемъ и, какъ слышно, стараются освободить его изъ-подъ ареста, для чего и собрали довольно значительную сумму денегъ“.

Далѣе въ бумагѣ высказывалось, что „отобранное у Геннадія письмо показываетъ, что и въ Москвѣ заботятся объ освобожденіи его для отправленія въ болѣе безопасное мѣсто—за границу. Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Геннадія, есть также письмо къ нему изъ Москвы отъ собора лжеепископовъ. Такъ какъ Геннадій уже два раза былъ ловимъ, но каждый разъ находилъ случай уйти, то содержаніе его при полиціи не безопасно".

Въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ губернатору „принять мѣры къ устраненію изложенныхъ опасеній, сдѣлавъ распоряженіе о переводѣ лжеепископа Геннадія въ болѣе надежное мѣсто и о строжайшемъ тамъ за нимъ надзорѣ, съ прекращеніемъ ему возможности входить въ сношенія съ раскольниками".

Въ концѣ этой бумаги министромъ, статсъ-секретаремъ Валуевымъ, сдѣлана собственноручная приписка такого рода: „объ исполненіи же меня увѣдомить, съ присовокупленіемъ, когда присутствіе Геннадія на мѣстѣ будетъ не нужно для производящагося изслѣдованія"

Получивъ эту бумагу, губернаторъ кладетъ на ней резолюцію: „Сейчасъ же спросить по телеграфу полицеймейстера, передано ли дѣло въ уѣздный судъ, и ежели Геннадій не нуженъ, то чтобъ ускорить доставленіе его въ Пермь".

Спустя нѣсколько дней, полицеймейстеръ Пестеревъ доноситъ губернатору телеграммой, что „дѣло Геннадія 21-го января будетъ передано главному начальнику горныхъ заводовъ, а 23-го въ судъ".

Тогда губернаторъ спѣшитъ дать наставленіе суду: „По важности обстоятельствъ, заключающихся въ слѣдственномъ дѣлѣ о пойманномъ въ Екатеринбургѣ

лжеепископѣ Геннадіи, — пишетъ г. Лошкаревъ, — предлагаю уѣздному суду:

„1) безотлагательно приступить къ разсмотрѣнію сего дѣла и

2) тотчасъ по минованіи надобности въ личности Геннадія увѣдомить о семъ екатеринбургскаго полицеймейстера, для отправленія его, Геннадія, согласно особому распоряженію".

Одновременно съ этимъ, губернаторъ пишетъ полицеймейстеру Пестереву, чтобы онъ „немедленно по окончаніи дѣла лично самъ привезъ Геннадія въ Пермь подъ строгимъ карауломъ". Не успѣлъ, вѣроятно, Пестеревъ получить эту бумагу, какъ телеграфъ приноситъ ему новое подтвержденіе губернатора: „Телеграфируйте: скоро ли окончится дѣло о Геннадіи и онъ будетъ доставленъ въ Пермь?"

Наконецъ, 27-го января, полицеймейстеръ Пестеревъ, „подъ прикрытіемъ одиннадцати человѣкъ конвойныхъ, благополучно привезъ лжеепископа въ Пермь" [1]). На рапортѣ, который по этому поводу былъ представленъ полицеймейстеромъ губернатору, послѣдній положилъ резолюцію: „Заключить въ тюремный замокъ и донести г. министру внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ, что дѣло передано въ екатеринбургскій уѣздный судъ, и что онъ (Геннадій) здѣсь болѣе не нуженъ".

Въ тотъ же день пермскій полицеймейстеръ рапортовалъ губернатору, что лжеепископъ Геннадій принятъ имъ и „заключенъ въ мѣстный тюремный замокъ подъ личный надзоръ тюремнаго смотрителя". При этомъ Геннадій былъ снова обысканъ; деньги и

---

[1]) На «доставку» Геннадія въ Пермь полицеймейстеромъ Пестеревымъ было израсходовано 198 руб. 81 коп. казенныхъ денегъ.

разныя „одежныя вещи“, которыя оказались при немъ, были отобраны и переданы на храненіе тюремному смотрителю. Но, кромѣ этого, при Геннадіи были найдены: черная мантія, скуфья, книга подъ заглавіемъ „Богослуженіе русской церкви до монгольскаго времени“, тетрадка и рукопись, содержащая біографію лжеепископа Геннадія. Все это также было отобрано отъ Геннадія, при чемъ мантія и скуфья переданы были екатеринбургскому полицеймейстеру „для пріобщенія къ дѣлу“, рукописи же и книга препровождены къ архіерею. При этомъ губернаторъ спрашивалъ преосвященнаго: могутъ ли быть возвращены Геннадію найденныя у него рукописи и книга, или же онѣ должны быть подвергнуты разсмотрѣнію въ установленномъ порядкѣ.

Получивъ этотъ запросъ, архіепископъ пермскій Неофитъ передалъ книгу и рукописи Геннадія на разсмотрѣніе духовной консисторіи, которая, по обсужденіи возбужденнаго вопроса, пришла къ слѣдующему заключенію:

1. Книга „Богослуженіе русской церкви до монгольскаго времени“ есть извѣстное сочиненіе Филарета, епископа рижскаго, изданное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Хотя во многихъ мѣстахъ этой книги на поляхъ написано „зри“, тѣмъ не менѣе эти мѣста никакъ не могутъ быть истолкованы въ пользу раскола.

2. Найденная при Геннадіи тетрадка заключаетъ въ себѣ разсказъ обратившагося въ православіе старообрядца о времени пребыванія его въ расколѣ. Ближайшее разсмотрѣніе этой тетрадки убѣдило духовную консисторію, что заключающійся въ ней разсказъ „есть описаніе приключеній и бродяжничества *извѣ*стнаго арестанта Ведерникова“. Тетрадка эта

даетъ нѣкоторое понятіе о современномъ состояніи раскола.

3. Біографія лжеепископа Геннадія составляетъ особую записку, адресованную на Высочайшее имя и заключающую въ себѣ описаніе происхожденія и бродяжничества Геннадія. Описывая свои дѣтскіе годы, Геннадій находитъ въ нихъ разные прообразы своего епископства; побѣгъ свой изъ арестантскихъ ротъ объясняетъ особымъ содѣйствіемъ ангела, который явился къ нему съ неба; при этомъ бывшіе на немъ „тридесяти-фунтовыя кандалы“ сами спали съ него. Почувствовавъ, что цѣпи спали, Геннадій оставилъ мѣсто работы и направился черезъ городъ въ лѣса и горы; при этомъ совершилось другое чудо арестанты, которые работали вмѣстѣ съ нимъ, а также всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ въ то время, какъ онъ въ арестантскомъ костюмѣ проходилъ по городкимъ улицамъ,—„всѣ были аки слѣпы“ и не замѣсчали его бѣгства.

Побѣгъ же свой изъ Юго-Кнауфскаго завода Геннадій объясняетъ тѣмъ, что самъ заводскій исправникъ, при поимкѣ его въ означенномъ заводѣ, далъ ему совѣтъ скрыть званіе епископа и показать себя какимъ-нибудь обыкновеннымъ старцемъ. Геннадій такъ и сдѣлалъ; затѣмъ за тысячу рублей серебромъ онъ былъ отпущенъ и даже отправленъ на лошадяхъ въ Екатеринбургъ.

Далѣе въ біографіи разсказывается о томъ, какъ Геннадій защищалъ законность австрійской іерархіи и „другіе раскольническія мудрованія“ предъ преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ екатеринбургскимъ. Вообще, по отзыву духовной консисторіи, вся біографія Геннадія „наполнена раскольническими лжемудрованіями“ и потому никакъ не можетъ быть

выдана обратно Геннадію, а должна храниться при библіотекѣ мѣстной духовной семинаріи. Архіепископъ Неофитъ согласился съ отзывомъ духовной консисторіи.

Между тѣмъ, Геннадій, сидя въ тюрьмѣ и ничего не зная о судьбѣ отобранныхъ отъ него вещей, вошелъ съ прошеніемъ къ губернатору, ходатайствуя о возвращеніи ему „келейной мантіи", которая особенно была необходима ему въ виду того, что безъ нея онъ—епископъ—принужденъ былъ облечься въ арестантскій халатъ. Привожу здѣсь, съ буквальною точностью, не измѣняя ничего, кромѣ знаковъ препинанія, прошеніе Геннадія, написанное имъ по этому поводу:

„Его превосходительству

„Господину пермскому губернатору

„Нижайшее прошеніе.

„Я, нижеподписавшійся, прошу ваше пр—ство въ томъ, что поступилъ изъ Екатеринбурга на 27 число генваря текущаго года и привезенъ въ тюремный пермскій замокъ. При осмотрѣ вещей отобрана (отъ меня) келейная мантія, безъ которой я не могу оставаться, въ крайнемъ нахожусь неуважительномъ положеніи, также и стѣсненіи релегіозномъ, насопротивъ комитета, отъ іюня 26 изданнаго, какъ можете видѣть сами въ Сынѣ Отечества 1861 года декабря 1-го № 288. Но эта мантія по обсужденію прежде была отдана мнѣ въ руки, а нынѣ опять отобрали. И такъ, въ ожиданіи вашего превосходительства. Писалъ Божіею милостію смиренный Геннадій, епископъ пермскій древле-православныхъ христіанъ".

Это, какъ видите, довольно-таки безграмотное прошеніе написано самимъ Геннадіемъ на листѣ сѣрой

умаги крупнымъ, ученическимъ почеркомъ. По этоу поводу намъ припоминается газетное извѣстіе, роскользнувшее какъ-то въ печати и рисовавшее еннадія хорошо образованнымъ человѣкомъ, влаѣющимъ, между прочимъ, греческимъ языкомъ. сли судить по приведенному нами прошенію, то звѣстіе это является болѣе чѣмъ сомнительнымъ. сылка же Геннадія на № „Сына Отечества“ укаываетъ на его наивность и полное незнакомство съ орядками, существующими въ сферѣ оффиціальныхъ ѣлъ и сношеній.

Прошеніе Геннадія не было уважено, и вскорѣ му было объявлено, что ходатайство его „оставлено езъ послѣдствій, такъ какъ мантія пріобщена къ ѣлу“.

Вообще, заключеніе Геннадія въ пермскомъ тюемномъ замкѣ было обставлено самымъ строгимъ тщательнымъ надзоромъ. Полицеймейстеръ обяанъ былъ каждую недѣлю подробно рапортовать убернатору обо всемъ, что такъ или иначе относиось до Геннадія. Приведу одинъ изъ этихъ раортовъ.

„Въ теченіе истекшей недѣли,—пишетъ полицейейстеръ, — посѣтителей къ лжеепископу Геннадію е было, но въ тюрьму являлись разныя лица и приосили съ собою подаяніе для передачи Геннадію. акъ, 9-го февраля, кучеръ отъ купца Купріяна Суслова принесъ два французскихъ хлѣба, пирогъ ъ рыбою и блины; все это, по надлежащемъ осмотрѣ, ередано было лжеепископу. Затѣмъ являлась съ одаяніемъ родственница купца Андрея Матвѣева, аталья Мокѣева; но такъ какъ она требовала личаго свиданія съ Геннадіемъ, то поэтому не была опущена“.

X.

Прошлое Геннадія.

Первыя свѣдѣнія о прошломъ Геннадія были сообщены пермскимъ архіепископомъ Неофитомъ. Какъ только сдѣлалось извѣстно объ арестѣ лжеепископа, Неофитъ сообщилъ губернатору слѣдующія данныя о прошлой жизни Геннадія.

Выдающій себя за епископа Геннадія есть ни кто другой, какъ бѣглый крестьянинъ Лысвинскаго завода княгини Бутеро, по фамиліи Григорій Васильевъ Бѣляевъ. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ скрылся изъ мѣста своего жительства и около двадцати лѣтъ находился въ безвѣстной отлучкѣ. На мѣстѣ родины, въ Лысвинскомъ заводѣ, у него осталось три брата: Сидоръ, Яковъ и Дмитрій Бѣляевы; семейство это состояло и состоитъ въ расколѣ; раскольникомъ былъ и Григорій. Въ дѣтствѣ онъ учился въ мѣстной школѣ и въ это время, несмотря на свою принадлежность къ расколу, постоянно ходилъ въ православную церковь. „Дѣлъ о немъ по расколу не возбуждалось; но за побѣгъ онъ былъ судимъ и наказанъ въ стѣнахъ полиціи плетьми“ (далѣе мы увидимъ, что этотъ послѣдній фактъ не вѣренъ).

Въ другой разъ, преосвященный Неофитъ сообщалъ, что Геннадій есть тотъ же самый человѣкъ,

который въ 1859 году, подъ именемъ инока Иларіона Старцева, былъ пойманъ въ Юго-Кнауфскомъ заводѣ, но „снова отпущенъ заводскимъ исправникомъ Брусницынымъ и подмѣненъ другимъ бродягою-раскольникомъ Спиридономъ Курдюковымъ“. Этотъ послѣдній, пишетъ Неофитъ, „конечно (?), за деньги согласился выдать себя за Геннадія въ той мысли, что и безъ того ему не миновать кунгурскаго острога“.

Дѣло о Курдюковѣ рѣшено и, по указу пермской судебной палаты отъ 4-го мая 1862 года, Курдюковъ „подвергнутъ наказанію розгами шестидесятью ударами“ и, кромѣ того, съ него взыскано 50 рублей серебромъ. Такому же точно наказанію были подвергнуты вмѣстѣ съ Курдюковымъ двое другихъ мастеровыхъ—Кудринъ и Умятниковъ: они также были признаны виновными въ устройствѣ побѣга Геннадія.

Что же касается мастерового, назвавшагося при поимкѣ инокомъ Иларіономъ Старцевымъ, то будучи подмѣненъ Курдюковымъ, онъ скрылся въ кунгурскихъ лѣсахъ, а затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, явился въ Екатеринбургъ, гдѣ „впослѣдствіи объявилъ себя епископомъ Геннадіемъ“. Курдюковъ же, по освобожденіи изъ тюремнаго замка, также отправился въ Екатеринбургъ, чтобы здѣсь принять отъ Геннадія рукоположеніе во священники. Но здѣсь въ декабрѣ оба они были захвачены въ домѣ купца Чувакова.

Откуда узналъ преосвященный Неофитъ объ арестѣ Курдюкова, изъ его переписки не видно; по всей вѣроятности, онъ ошибочно принялъ за Курдюкова священника Ксенофонта Вяхирева, арестованнаго вмѣстѣ съ Геннадіемъ.

Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о прошломъ Геннадія сообщали екатеринбургскій полицеймейстеръ и, особенно, общее присутствіе екатеринбургскаго уѣзднаго суда и мѣстнаго городового магистрата.

Отецъ Геннадія, крѣпостной человѣкъ княгини Бутеро, Василій Бѣляевъ, былъ женатъ на крестьянкѣ Дарьѣ Фроловой; они имѣли свой собственный домъ въ Лысвинскомъ заводѣ. По словамъ Геннадія, отецъ его давно уже умеръ; что же касается матери его, то онъ не знаетъ навѣрное, жива ли она. Изъ сосѣдей, которые жили около нихъ въ заводѣ, Геннадій помнитъ только крестьянъ Вахрушевыхъ, другихъ же никого не помнитъ. 18-ти лѣтъ онъ бросилъ домъ и удалился въ лѣса „для богомоленія". Въ расколѣ онъ не состоитъ, а считаетъ себя христіаниномъ древней православной Церкви. Со времени бѣгства въ лѣса онъ ни разу не былъ въ домѣ своего отца.

Сначала Геннадій жилъ въ лѣсахъ около Кунгура „въ раскольническомъ скитѣ", состоящемъ изъ нѣсколькихъ келлій, населенныхъ старообрядцами, искавшими спасенія вдали отъ грѣховнаго міра. Настоятелемъ у нихъ былъ схимникъ Никита. Кто именно были эти люди, откуда и какого они званія, ему, Геннадію, неизвѣстно. Теперь этого скита уже не существуетъ и келліи разорены. Опасаясь поимки, жившіе въ скитѣ отшельники начали ходить съ мѣста на мѣсто. Во время этихъ переходовъ старецъ Никита былъ пойманъ властями и заключенъ въ острогъ въ городѣ Осѣ; отсюда онъ былъ переведенъ въ кунгурскій тюремный замокъ, гдѣ и умеръ.

Послѣ этого, Геннадій оставилъ кунгурскіе лѣса и удалился въ Уральскъ, а оттуда около 1853 года

перебрался въ Саратовскую губернію. Здѣсь онъ разыскивалъ старообрядческаго епископа (австрійскаго рукоположенія) Аѳанасія. Наконецъ, благодаря указаніямъ и наведенію мѣстныхъ жителей, ему удалось встрѣтиться съ Аѳанасіемъ въ лѣсахъ Хвалынскаго уѣзда.

Съ этихъ поръ они начали путешествовать вмѣстѣ. Нѣкоторое время они имѣли пріютъ близъ города Хвалынска, въ домѣ купеческой дочери Анны Козьминой, жившей „въ саду". Здѣсь Геннадій получилъ отъ епископа Аѳанасія иноческое постриженіе и санъ іеродіакона.

Изъ Хвалынскаго уѣзда инокъ Геннадій снова отправился въ путешествіе съ проповѣдью о старой вѣрѣ. На этотъ разъ онъ ударился на востокъ и бродилъ по степямъ и горамъ Оренбургской губерніи. Здѣсь онъ встрѣтился и вскорѣ близко сошелся съ двумя старообрядческими монахами—Серафимомъ и Аарономъ. Они начали было путешествовать всѣ вмѣстѣ, но вскорѣ, а именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, были задержаны въ Белебеевскомъ округѣ исправникомъ Усене-Ивановскаго завода. Они были арестованы и затѣмъ, по допросѣ, отправлены въ мѣста приписки: Ааронъ—въ Екатеринбургъ, Геннадій—въ Пермь, а Серафимъ, какъ мѣстный уроженецъ, оставленъ въ Белебеѣ.

Началось дѣло, во время котораго Геннадій содержался въ пермскомъ тюремномъ замкѣ; но случилось такъ, что слѣдователь не обратилъ вниманія на заявленіе Геннадія о томъ, что онъ носитъ санъ іеродіакона. По рѣшенію „судебнаго мѣста", Геннадій былъ переведенъ въ арестантскія роты, при чемъ онъ долженъ былъ подвергнуться наказанію плетьми; но, вслѣдствіе Высочайшаго манифеста, прито-

воръ суда относительно наказанія Геннадія плетьми не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ арестантскихъ ротахъ Геннадій пробылъ до 14-го сентября 1855 года. Въ этотъ день вечеромъ, Геннадій, находясь вмѣстѣ съ другими арестантами на городской работѣ, бѣжалъ и скрылся въ кунгурскихъ лѣсахъ. Здѣсь онъ прожилъ зиму, а лѣтомъ онъ снова ушелъ въ Хвалынскій уѣздъ, къ лжеепископу Аѳанасію, который съ радостію и восторгомъ привѣтствовалъ своего стараго друга, такъ много пострадавшаго за „правую вѣру“.

Съ этихъ поръ начинается быстрое возвышеніе Геннадія, какъ человѣка уже испытаннаго. 29-го октября 1856 года онъ былъ поставленъ епископомъ Аѳанасіемъ въ пресвитеры, а 21-го ноября того же года въ архимандриты. Обрядъ постановленія происходилъ, по словамъ Геннадія, въ домѣ той же купеческой дочери Анны Козьминой, у которой они жили нѣсколько лѣтъ назадъ.

Но этимъ не ограничились „повышенія“, выпавшія на долю Геннадія за его испытанную стойкость въ дѣлѣ исповѣдыванія и распространенія старой вѣры: епископъ Аѳанасій отправилъ своего друга въ Москву къ Антонію, архіепископу владимирскому и всея Россіи, какъ человѣка, достойнаго воспринять санъ епископа. Геннадій выѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ священникомъ Пафнутіемъ.

Нужно думать, что Геннадій и Пафнутій, явившись въ Москву, произвели вполнѣ благопріятное впечатлѣніе какъ на архіепископа Антонія, такъ и на духовный старообрядческій совѣтъ. Оба они были признаны достойными епископскаго сана, при чемъ рѣшено было, что обрядъ посвященія будетъ совершенъ въ знаменитыхъ Гуслицахъ.

Къ назначенному дню въ Гуслицы съѣхались члены духовнаго совѣта, архіепископъ Антоній и многіе другіе чины высшей старообрядческой іерархіи. 9-го января 1857 года Геннадій былъ посвященъ въ епископы, а на другой день, 10-го января, тотъ же самый обрядъ совершенъ былъ надъ священникомъ Пафнутіемъ.

Посвященіе это совершено было съ необыкновенною торжественностью; кромѣ архіепископа Антонія, богослуженіе совершали епископы: кавказскій—Іовъ и зыбковскій—Кононъ [1]). На Геннадія было возложено все архіерейское облаченіе: подрясникъ съ источниками, крестовая епитрахиль, поручи, поясъ съ источниками, набедренникъ, фелонь крестовая, омофоръ, панагія, наперсный крестъ, митра и, наконецъ, ему врученъ былъ жезлъ. Затѣмъ Геннадію была пожалована походная церковь, въ видѣ особаго рода палатки.

Вслѣдъ за поставленіемъ въ епископы, Геннадію вручена была ставленная грамота на пермскую епархію, та самая, которая впослѣдствіи была отобрана отъ него при арестѣ 6-го декабря. Назначеніемъ Геннадія въ пермскую епархію, которая съ давнихъ поръ считается однимъ изъ главнѣйшихъ очаговъ раскола старообрядчества, духовный совѣтъ какъ бы воздалъ должное за всѣ заслуги, оказанныя этимъ лицомъ дѣлу старовѣрія.

Принявъ посвященіе и получивъ благословеніе Антонія, епископъ Геннадій отправился въ назначенную ему епархію; но онъ не избралъ себѣ постояннаго мѣста для своего жительства, а переѣзжалъ съ одного мѣста на другое, навѣщая также и сосѣднія

---

[1]) Впослѣдствіи епископъ Кононъ, по словамъ Геннадія, былъ арестованъ и умеръ въ тюрьмѣ.

съ Пермскою губерніи: Оренбургскую, Вятскую и Тобольскую. Городъ Екатеринбургъ былъ центральнымъ пунктомъ того района, который былъ отведенъ для дѣятельности Геннадія. Въ этомъ городѣ у него, по его собственному показанію, было 300 человѣкъ прихожанъ изъ числа мѣстныхъ старообрядцевъ.

За время своего управленія пермскою епархіей Геннадій обнаружилъ необыкновенную дѣятельность на пользу старообрядчества. Безпрестанно разъѣзжая изъ конца въ конецъ по Пермской и сосѣднимъ съ нею губерніямъ, онъ всюду находилъ приверженцевъ „древняго благочестія", наставлялъ и укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ, отправлялъ богослуженіе, поставлялъ священниковъ и другихъ чиновъ іерархіи. По праву епископа, Геннадій посвятилъ для своей епархіи архимандрита Зиновія, четырехъ дьяконовъ и 23 священника.

Подобнаго рода дѣятельность не могла, разумѣется, избѣжать огласки. Полиція давно уже и энергически разыскивала „лжеепископа" Геннадія. Въ 1859 году онъ былъ снова задержанъ въ Кнауфскомъ заводѣ, въ домѣ мастерового Осипа Носкова, подъ именемъ инока Иларіона Старцева. Геннадій былъ арестованъ и посаженъ въ арестантскую, а затѣмъ отправленъ по этапу въ кунгурскую тюрьму. Но послѣдователи его не дремали и немедленно же явились къ нему на выручку. Дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто инока Старцева (Геннадій то жъ) въ кунгурскую тюрьму былъ доставленъ какой-то неизвѣстный никому раскольникъ Спиридонъ Курдюковъ.

Всѣ эти свѣдѣнія о прошломъ Геннадія полиція узнала изъ его собственныхъ показаній, которыя отличались необыкновенною искренностью и почти пол-

ною откровенностью. Какъ видно, Геннадій считалъ несогласнымъ съ достоинствомъ убѣжденнаго человѣка таиться въ своихъ завѣтныхъ взглядахъ и вѣрованіяхъ; въ то же время онъ не считалъ нужнымъ скрывать все, что было имъ сдѣлано на пользу дѣла, которому онъ служилъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него требовались указанія, касавшіяся другихъ лицъ, онъ становился сдержанъ, остороженъ и даже скрытенъ. Такъ, когда слѣдователи потребовали, чтобъ онъ указалъ, кто именно были тѣ лица, изъ которыхъ состоялъ его приходъ въ Екатеринбургѣ, то Геннадій категорически отказался исполнить это, заявивъ, что ни фамилій ни именъ ихъ онъ не знаетъ.

XI.

„Въ монастырь на увѣщаніе".

Въ Петербургѣ, какъ мы уже отчасти и видѣли, серьезно взглянули на дѣло Геннадія. Не только въ средѣ свѣтскаго, но и духовнаго начальства обнаружилось замѣтное безпокойство, выразившееся, между прочимъ, въ необычайно обильномъ писаніи всякаго рода предписаній, циркуляровъ, отношеній, указовъ и предложеній по этому поводу.

Святѣйшій Синодъ не разъ напоминалъ то пермскому, то оренбургскому преосвященнымъ объ огромной важности дѣла Геннадія, о необходимости строгихъ мѣръ, которыя бы устранили всякую возможность новаго побѣга со стороны лжеепископа, о доставленіи свѣдѣній, знакомящихъ съ ходомъ слѣдствія и суда по этому дѣлу и т. д.

Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ также не разъ напоминалъ губернатору о „важности дѣла Геннадія" и неоднократно просилъ его наблюсти, чтобы слѣдствіе о лжеепископѣ „привело всѣ обстоятельства дѣла въ надлежащую полноту и ясность"; далѣе, онъ поручалъ г. Лошкареву наблюсти за тѣмъ, „чтобы дѣло это получило законное и соотвѣтственное разрѣшеніе"...

Общее присутствіе екатеринбургскаго уѣзднаго *суда и городового* магистрата, обсуждая дѣло Ген-

надія, пришло къ слѣдующему заключенію: „Такъ какъ преступникъ Бѣляевъ (Геннадій то жъ) бѣжалъ изъ арестантской роты въ то время, когда находился на городской работѣ, подъ военнымъ конвоемъ и, такимъ образомъ, совершилъ преступленіе противъ военной дисциплины и затѣмъ въ теченіе побѣга впалъ въ другія нарушенія закона, то поэтому онъ, Бѣляевъ, на точномъ основаніи 38 п. 761 ст. XV т. 2 ч. и 1011 и 1074 ст. XIV т. Свода законовъ, подлежитъ сужденію военнаго суда".

Губернаторъ въ принципѣ вполнѣ соглашался съ заключеніемъ общаго присутствія относительно преданія Геннадія военному суду, но его останавливало одно соображеніе: у лжеепископа было найдено „письмо отъ духовнаго совѣта", существующаго якобы въ Москвѣ; въ этомъ письмѣ „духовный совѣтъ" приглашалъ Геннадія прибыть въ Москву „для отправленія за границу въ безопасное мѣсто". Такимъ образомъ, кромѣ побѣга изъ арестантскихъ ротъ и другихъ преступленій, — противъ Геннадія возникло новое обвиненіе—„въ соучастіи его съ обществомъ московскихъ лжеепископовъ, каковое дѣло еще не обслѣдовано". Въ силу этого соображенія губернаторъ рѣшилъ представить все дѣло на благоусмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Но прежде чѣмъ рапортъ объ этомъ былъ полученъ въ Петербургѣ, судьба Геннадія была уже рѣшена: 8-го апрѣля (1863 года) изъ министерства внутреннихъ дѣлъ на имя пермскаго губернатора была отправлена бумага такого содержанія:

„Государь императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ его величеству представленія вашего превосходительства о томъ, что раскольническій епископъ Геннадій, по окончаніи о немъ слѣдствія, переведенъ

изъ Екатеринбурга въ Пермь и для дальнѣйшаго хода о немъ дѣла болѣе не нуженъ, въ 5-й день сего апрѣля Высочайше повелѣть соизволилъ: удалить Геннадія изъ мѣста прежней его дѣятельности, помѣстивъ для увѣщанія въ суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь владимирской епархіи, въ арестантскомъ отдѣленіи онаго".

Есть основаніе предполагать, что мысль о заключеніи Геннадія въ монастырь впервые явилась у министра внутреннихъ дѣлъ. Еще ранѣе Высочайшаго повелѣнія 5-го апрѣля г. Валуевъ входилъ въ сношеніе съ Св. Синодомъ по поводу „удаленія Геннадія въ суздальскій монастырь". Синодъ, „раздѣляя мнѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ относительно удаленія лжеепископа Геннадія изъ мѣста бывшей его дѣятельности и содержанія его въ монастырѣ для испытанія надъ нимъ увѣщаній къ оставленію раскольническихъ заблужденій", высказался, что онъ съ своей стороны „не находитъ никакихъ препятствій къ помѣщенію Геннадія въ арестантскомъ отдѣленіи суздальскаго монастыря". Поэтому, какъ только состоялось повелѣніе объ удаленіи Геннадія въ монастырь, Синодъ тотчасъ же далъ предложеніе владимирскому преосвященному „о принятіи Геннадія въ упомянутый монастырь".

Между тѣмъ, пермскій губернаторъ, получивъ бумагу министра отъ 8-го апрѣля, недоумѣвалъ: слѣдуетъ ли выслать Геннадія тотчасъ же въ монастырь и не будетъ ли онъ нуженъ при полученіи отвѣта министра на сдѣланное имъ представленіе относительно преданія Геннадія военному суду? Г. Лошкаревъ затруднился въ этомъ, главнымъ образомъ, потому, что въ то время, какъ состоялось распоряженіе о ссылкѣ Геннадія въ монастырь, министерству

не было извѣстно, что „онъ есть бѣглый арестантъ". „Затѣмъ,—думалъ губернаторъ,—въ случаѣ если бы послѣдовало распоряженіе судить Геннадія военнымъ судомъ, то какъ тогда быть безъ него? Вѣдь извѣстно, что военный судъ, на точномъ основаніи закона, не можетъ никого судить заочно".

И вотъ губернаторъ Лошкаревъ шлетъ телеграмму на имя министра: „Прикажете ли отправить Геннадія тотчасъ, или ожидать разрѣшенія на представленіе за № 182".

Въ отвѣтъ на это получается телеграмма: „О лжеепископѣ Геннадіи ожидать разрѣшенія министерства. Министръ Валуевъ".

Отсрочка эта была сдѣлана въ виду того, что статсъ-секретарь Валуевъ, по полученіи представленія пермскаго губернатора за № 182, счелъ необходимымъ снестись предварительно съ главнымъ начальникомъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и оберъ-прокуроромъ Св. Синода. По полученіи отъ нихъ благопріятныхъ отзывовъ министръ 18-го мая предписалъ пермскому губернатору „немедленно сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія относительно помѣщенія кр. Григорія Бѣляева, выдающаго себя за епископа Геннадія, въ суздальскій монастырь, и затѣмъ дальнѣйшее производство о немъ прекратить".

Тогда г. Лошкаревъ спѣшитъ сообщить владимірскому губернатору о Высочайшемъ повелѣніи относительно „помѣщенія въ суздальскій монастырь на увѣщаніе" раскольническаго епископа Геннадія и проситъ его сдѣлать распоряженіе объ отправленіи лжеепископа изъ Владиміра, куда онъ вскорѣ будетъ доставленъ, въ суздальскій монастырь.

Сначала предполагалось отправить Геннадія изъ Перми до Владимира съ „двумя благонадежными жандармами", но затѣмъ рѣшено было поручить это дѣло жандармскому офицеру штабсъ-капитану Латухину.

26-го іюня 1863 года изъ Перми выѣхала по казанскому тракту тройка почтовыхъ лошадей; въ тарантасѣ сидѣли жандармскій офицеръ и рядомъ съ нимъ невысокій худощавый мужчина съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ и сѣрыми, глубоко впавшими глазами, въ которыхъ свѣтилась непреклонная, желѣзная воля. Это былъ Геннадій.

Передъ отъѣздомъ изъ Перми Латухину были выданы деньги на путевыя издержки въ количествѣ 211 руб. 65 коп., открытый листъ и особая „инструкція". Въ „открытомъ листѣ" значилось: „Предъявителю сего, пермской жандармской команды штабсъ-капитану Латухину, сопровождающему арестанта Григорія Бѣляева до г. Владимира, обязаны гг. начальники воинскихъ командъ, расположенныхъ по этому тракту, немедленно отряжать благонадежный добавочный караулъ, который и оставлять во все время нахожденія его на мѣстѣ". Этотъ „листъ" былъ подписанъ пермскимъ военнымъ губернаторомъ, генералъ-майоромъ Лошкаревымъ.

Приведемъ затѣмъ инструкцію, которою долженъ былъ руководиться штабсъ-капитанъ Латухинъ, конвоируя Геннадія:

„Назначая васъ для сопровожденія до гор. Владимира крестьянина Григорія Бѣляева, я предписываю вамъ теперь же принять его и немедленно отправиться съ нимъ въ г. Владимиръ, наблюдая слѣдующее:

„1. Во время пути до г. Владимира неотлучно на-

ходиться при арестантѣ въ полномъ вооруженіи, не позволяя ему ни съ кѣмъ разговаривать.

„2. Вы должны имѣть осторожность, чтобъ арестантъ не нанесъ себѣ вреда и не бросился бы на имѣющееся у васъ оружіе.

„3. Квартиръ нигдѣ не нанимать, а требовать отъ мѣстныхъ начальниковъ и останавливаться для отдыха въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ есть воинскія команды, отъ коихъ просить, по прилагаемому при семъ открытому листу, караулъ, который оставлять во все время пребыванія вашего на мѣстѣ.

„4. По прибытіи въ городъ Владиміръ, тотчасъ явиться къ тамошнему губернатору, представить прилагаемый конвертъ за № и просить его распоряженія о принятіи отъ васъ арестанта и выдачѣ квитанціи.

„5. Въ случаѣ значительной болѣзни арестанта вы должны доѣхать до ближайшаго города, отдать его въ вѣдѣніе тамошняго начальства для излѣченія и доставленія, по выздоровленіи, за надлежащимъ присмотромъ въ г. Владиміръ къ тамошнему начальнику губерніи, взявъ въ сдачѣ квитанцію.

„6. Въ заключеніе сего предваряю васъ, что неустройство во время пути, а тѣмъ болѣе упускъ арестанта подвергнутъ васъ строжайшей отвѣтственности по законамъ". Подписалъ пермскій военный губернаторъ Лошкаревъ.

1-го іюля Геннадій былъ доставленъ во Владиміръ и сданъ губернатору, который тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ его въ суздальскій монастырь. Штабсъ-капитанъ Латухинъ, получивъ квитанцію въ принятіи отъ него Геннадія, вернулся въ Пермь и представилъ квитанцію губернатору. А въ тюремныхъ келліяхъ суздальскаго монастыря въ это

самое время прибавилось однимъ новымъ „секретнымъ“ арестантомъ... Но о пребываніи Геннадія въ монастырской тюрьмѣ мы разскажемъ въ слѣдующей главѣ. Теперь же намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ лицъ, которыя были привлечены къ дѣлу о лжеепископѣ Геннадіи. Одинъ изъ этихъ лицъ, лжесвященникъ Ксенофонтъ Вяхиревъ, умеръ во время заключенія въ екатеринбургскомъ тюремномъ замкѣ, не дождавшись рѣшенія своей участи.

Другой изъ заключенныхъ по этому дѣлу, „лжеиподіаконъ“ Василій Кульковъ, сидя въ тюрьмѣ, заболѣлъ. Отецъ его, отставной мастеровой Міасскаго казеннаго завода Иванъ Кульковъ, обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ объ освобожденіи изъ тюрьмы больного сына его, Василія, и объ отдачѣ его ему на попеченіе для поправленія здоровья“. Министерство переслало это прошеніе пермскому губернатору для направленія дѣла по подсудности.

Послѣ того, какъ Геннадій былъ отправленъ въ монастырь, губернаторъ Лошкаревъ совершенно не зналъ, что ему предпринять относительно другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ; онъ рѣшилъ было кончить дѣло административнымъ порядкомъ, при чемъ предполагалъ: „Кулькова, какъ уроженца Міасскаго завода, Оренбургской губерніи, водворить въ его мѣстожительство, сообщивъ мѣстному епархіальному начальству о сдѣланіи ему увѣщанія“; колыванскаго же купца Чувакова, допустившаго въ своемъ домѣ торжественное богослуженіе при большомъ стеченіи народа, поручить надзору мѣстной полиціи, которой вмѣнить въ обязанность строго наблюдать за тѣмъ, чтобы „впредь никакихъ подобныхъ сборищъ въ домѣ Чувакова отнюдь не проис-

ходило". Не рѣшаясь, однако, привести эти мѣры въ исполненіе, г. Лошкаревъ обратился въ Петербургъ съ вопросомъ: какъ ему поступить съ Кульковымъ и Чуваковымъ?

Министръ юстиціи отвѣчалъ на это, что „дѣйствія крестьянина Кулькова и купца Чувакова, на основаніи 585 ст. 2 кн. XV т. и § 13 Высочайше одобреннаго наставленія, должны подлежать разсмотрѣнію въ судебномъ порядкѣ, и потому дѣло о нихъ слѣдуетъ передать въ подлежащее судебное мѣсто, съ тѣмъ, чтобъ оно постановило опредѣленіе на законномъ основаніи только объ отвѣтственности двухъ этихъ лицъ, не касаясь оговоренныхъ лжеепископомъ Геннадіемъ 23 раскольническихъ священниковъ, такъ какъ сіе послѣднее обстоятельство, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, не подлежитъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ".

XII.

Въ крѣпости.

Доставленный изъ Владимира въ монастырь въ сопровожденіи „двухъ благонадежныхъ жандармовъ", Геннадій былъ помѣщенъ „въ одну изъ комнатъ арестантскаго отдѣленія крѣпости". Въ Высочайшемъ повелѣніи, при которомъ онъ былъ присланъ, настоятелю монастыря ставилось въ обязанность дѣлать ему „кроткія увѣщанія". На содержаніе Геннадія въ монастырской тюрьмѣ назначено было казной 46 руб. 80 коп. въ годъ.

Вѣроятно, суздальская тюрьма и условія пребыванія въ ней произвели на Геннадія сильное и въ то же время тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ почти тотчасъ же по прибытіи въ монастырь онъ подаетъ прошеніе на Высочайшее имя о помилованіи. Послѣ обычной, неизбѣжной въ такихъ случаяхъ переписки прошеніе Геннадія „оставляется безъ послѣдствій". Такимъ образомъ, приходилось по необходимости подчиниться неизбѣжной судьбѣ.

Въ 1864 году архимандритъ Иларіонъ, донося владимирскому архіерею о результатѣ „кроткихъ увѣщаній" по отношенію къ Геннадію, сообщалъ, что послѣдній „по закоренѣлости своей въ расколѣ всегда ставитъ раскольническія свои заблужденія выше обрядовъ православной Церкви и носимый имъ неза-

конно-епископскій санъ считаетъ законнымъ". Впрочемъ, прибавляетъ архимандритъ, „съ нѣкотораго времени Геннадій сталъ посѣщать наше богослуженіе и читать православныя книги; нрава онъ кроткаго, покорнаго".

Приблизительно въ томъ же духѣ аттестовался Геннадій и въ слѣдующіе годы; такъ, въ 1866 году о. архимандритъ писалъ: „Въ продолженіе истекшаго полугода надежды къ оставленію раскольническихъ заблужденій нѣсколько подавалъ; дѣлаемымъ ему мною внушеніямъ кротко внималъ; читалъ охотно книги догматическаго и вообще духовнаго содержанія и посѣщалъ богослуженіе".

Въ 1869 году Геннадій снова подаетъ прошеніе объ освобожденіи его изъ заключенія, но и на этотъ разъ ходатайство его не имѣло успѣха. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ владимирскому архіерею, что Геннадій, по Высочайшему повелѣнію, заключенъ „за принятіе на себя не принадлежащаго ему высшаго сана и за побѣгъ изъ арестантской роты" и что въ виду этого „всеподданнѣйшее прошеніе его удовлетворено быть не можетъ".

Затѣмъ, въ концѣ того же 1869 года, Геннадій неожиданно подаетъ заявленіе о желаніи его присоединиться къ единовѣрію. Заявленіе это производитъ, конечно, большую сенсацію. Настоятель московскаго единовѣрческаго монастыря іеромонахъ Павелъ „съ радостію" выражаетъ полную готовность принять Геннадія въ свой монастырь. Но тутъ возникаетъ очень щекотливый въ церковномъ отношеніи вопросъ о томъ, какимъ именно чиномъ слѣдуетъ принять епископа Геннадія въ единовѣрческій монастырь. По этому поводу возникаетъ большая конфиденціальная переписка, закончившаяся только

къ осени слѣдующаго 1870 года. 3-го августа этого года состоялось Высочайшее повелѣніе относительно „освобожденія раскольническаго лжеепископа Геннадія изъ арестантскаго отдѣленія Спасо-Евфиміева монастыря для присоединенія его къ единовѣрію въ московскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, съ оставленіемъ въ ономъ на жительство, въ иноческомъ образѣ".

Слѣдуетъ думать, что такое рѣшеніе не удовлетворило Геннадія: онъ мечталъ и надѣялся, что путемъ присоединенія къ единовѣрію ему удастся добиться признанія со стороны православной Церкви епископскаго сана въ старообрядческой бѣлокриницкой іерархіи. Но разъ это ему не удалось, то, попавъ въ московскій единовѣрческій монастырь, онъ тотчасъ же начинаетъ будировать противъ православія и единовѣрія. Разумѣется, это не проходитъ для него безнаказанно. Развязка всей этой исторіи подробно излагается въ бумагѣ тогдашняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Д. А. Толстого отъ 26-го октября 1870 года на имя настоятеля суздальскаго монастыря Досиѳея.

„Высокопреосвященный митрополитъ московскій (писалъ графъ Толстой), на основаніи донесенія настоятеля тамошняго Николаевскаго единовѣрческаго монастыря игумена Павла, увѣдомляетъ меня, что помѣщенный въ томъ монастырѣ для присоединенія къ единовѣрію раскольническій лжеепископъ Геннадій, освобожденный для этой цѣли, съ Высочайшаго разрѣшенія, изъ суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, въ послѣднее время снова обнаружилъ признаки упорной расположенности къ раскольническимъ заблужденіямъ, такъ что игуменъ Павелъ выражаетъ опасеніе, чтобы Геннадій не убѣжалъ изъ единовѣрческаго монастыря.

„Вслѣдствіе сего, сдѣлавъ сношеніе съ митрополитомъ Иннокентіемъ о немедленной отсылкѣ упомянутаго лжеепископа обратно въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, долгомъ поставляю сообщить о томъ вашему высокопреподобію и покорнѣйше просить о распоряженіи, чтобы Геннадій, по доставленіи его во ввѣренный вамъ монастырь, опять былъ заключенъ въ арестантское отдѣленіе онаго, въ которомъ сей лжеепископъ содержался прежде".

Распоряженіе, конечно, было сдѣлано, и Геннадій снова очутился въ тюремной келліи Спасо-Евфиміева монастыря.

Несмотря на глубокую тайну, которая окружала заключеніе въ монастырской тюрьмѣ старообрядческихъ епископовъ, слухъ объ этомъ фактѣ все-таки распространился въ средѣ русскаго общества и народа, особенно же среди послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи. Послѣдніе начинають предпринимать цѣлый рядъ попытокъ завязать сношенія и вступить въ переписку съ своими іерархами, подвергшимися тяжелой и суровой карѣ. Слѣдуетъ, однако, думать, что очень многія изъ этихъ попытокъ окончились полной неудачей, такъ какъ письма обыкновенно перехватывались настоятелемъ монастыря, который, безъ дальнихъ околичностей, преспокойно подшивалъ ихъ „къ дѣлу".

Въ „дѣлахъ" о старообрядческихъ епископахъ, хранящихся въ монастырскомъ архивѣ, можно встрѣтить немало такихъ писемъ, адресованныхъ на имя Аркадія, Конона и Геннадія. Тутъ есть письма изъ г. Боровска, Калужской губерніи, изъ Екатеринбурга, Пермской губ., изъ Галица, изъ Москвы, изъ Коревскаго (?) дѣвичьяго монастыря и другихъ мѣстъ. Безграмотныя письма полны привѣтствій „добрымъ

страдальцамъ", которыхъ авторы писемъ величаютъ епископами и которыхъ они просятъ помолиться за нихъ. Другіе, „припадая къ стопамъ", просятъ „заочнаго пастырскаго благословенія". Третьи посылаютъ „гостинцы—черную икру", которую просятъ епископовъ „употребить на пищу и скушать во славу Божію".

Неизвѣстна судьба подобныхъ „гостинцевъ"; такъ какъ письма, при которыхъ они посылались, не передавались заключеннымъ, то есть основаніе думать, что такую же судьбу терпѣли и „гостинцы", посылавшіеся „добрымъ страдальцамъ".

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на имя заключенныхъ епископовъ получались такія письма, которыя отцу архимандриту казались почему-нибудь подозрительными и даже противозаконными,—онъ немедленно же доносилъ объ этомъ владимирскому епархіальному начальству, при чемъ представлялъ и самыя письма, возбудившія его подозрѣнія.

Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1868 года на имя лжеепископа Геннадія получается письмо изъ Екатеринбурга. Досиѳей, на просмотръ котораго оно „по учрежденному порядку" было доставлено, „усомнился": ему почудилось въ этомъ письмѣ что-то загадочное и подозрительное. И вотъ онъ спѣшитъ „совершенно секретно" представить это письмо владимирскому архіерею. Особенно подозрительнымъ показалось архимандриту Досиѳею начало письма, гдѣ стояли слѣдующія буквы: Г. І. Х. С. Б. П. Н.

„Находя содержаніе сего письма, — пишетъ онъ архіерею,—отчасти загадочнымъ и въ то же время обнаруживающимъ скопище особой раскольнической секты, я счелъ долгомъ, прежде врученія письма по адресу, представить его въ подлинникѣ вашему вы-

сокопреосвященству на обозрѣніе; и затѣмъ буду имѣть честь ожидать архипастырскаго по сему предмету приказанія".

Получивъ этотъ секретный „рапортъ", владимирская духовная консисторія требуетъ отъ Геннадія объясненій по поводу загадочнаго письма, полученнаго на его имя: отъ кого это письмо, и что именно означаютъ „недописанныя слова", такъ сильно напугавшія архимандрита Досиѳея: „Г. I. Х. С. Б. П. Н.". Геннадій немедленно же отвѣчаетъ, что письмо это писано къ нему его двоюродной сестрой, и что „недописанныя слова", которыми начинается это письмо: Г. I. Х. С. Б. П. Н., означаютъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!.. Такимъ образомъ, ларчикъ открылся очень легко и очень просто. Однако, постановленіе, которое состоялось въ духовной консисторіи по этому поводу, невольно вызываетъ недоумѣніе.

„Какъ изъ объясненій лжеепископа Геннадія,— значится въ этомъ постановленіи,—такъ и по смыслу письма видно, что недописанныя слова ничего не заключаютъ въ себѣ противозаконнаго, а онъ, Геннадій, обязался внушить всѣмъ, чтобы подобныхъ сокращеній въ письмахъ къ нему пищущіе не дозволяли себѣ, то письмо родственницы Геннадія оставивъ при дѣлѣ, вамъ, отцу архимандриту Досиѳею, предписать, чтобы и на будущее время слѣдили за перепиской Геннадія и въ случаѣ сомнѣнія доносили его высокопреосвященству". Казалось бы, что разъ въ письмѣ не оказалось рѣшительно ничего противозаконнаго и сомнительнаго, то отчего бы не выдать этого письма тому лицу, которому оно предназначалось?...

XIII.

Освобожденіе.

Прошло 25 лѣтъ со времени заключенія въ монастырь Аркадія и Алимпія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Ив. Ненарокомовъ обратился къ архимандриту Досиѳею съ секретнымъ письмомъ, въ которомъ писалъ: „Согласно приказанію его сіятельства [1]) г. оберъ-прокурора, имѣю честь обратиться къ вашему высокопреподобію съ покорнѣйшей просьбой сообщить мнѣ въ непродолжительномъ по возможности времени свѣдѣнія о поведеніи и образѣ жизни содержащихся въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ лжеепископѣ Аркадіи, лжеархіепископѣ Геннадіи [2]) и лжеепископѣ Кононѣ“.

На этотъ запросъ архимандритъ Досиѳей отвѣчалъ, что „по вѣдомости, представленной имъ въ декабрѣ мѣсяцѣ за прошлый 1878 годъ, лица сіи аттестованы такъ:

„1) Лжеархіепископъ Аркадій, 70 лѣтъ, увѣщаній не слушаетъ, будучи увѣренъ въ ложныхъ своихъ убѣжденіяхъ; но по поведенію ведетъ себя строго и благопокорливъ.

„2) Лжеепископъ Кононъ, 81 года, отъ нѣкоторыхъ ложныхъ убѣжденій по преклонности лѣтъ не въ

---

[1]) Графа Д. А. Толстого.

[2]) Директоръ канцеляріи, очевидно, перемѣшалъ: архіепископомъ былъ Аркадій, а Геннадій—епископомъ.

силахъ отказаться; по поведенію совершенно безукоризненъ.

„3) Лжеепископъ Геннадій, 53 лѣтъ, держится упорно своихъ ложныхъ убѣжденій, ревниво защищаетъ принятый имъ незаконно епископскій санъ; по поведенію вспыльчивъ, не всегда миренъ и покоренъ“.

Эту характеристику старообрядческихъ архіеревъ о. архимандритъ заканчиваетъ такъ: „При этомъ осмѣливаюсь присовокупить, что означенныя лица и по настоящее время при прежнемъ поведеніи, ведутъ одинаковый образъ жизни, какъ и прежде“.

Чѣмъ собственно былъ вызванъ запросъ директора канцеляріи оберъ-прокурора Синода—изъ дѣлъ не видно. Быть-можетъ, поводомъ для этого запроса послужила извѣстная статья „Голоса“, появившаяся какъ разъ около того времени,—статья, въ которой довольно подробно разсказывалась печальная судьба старообрядческихъ епископовъ, томившихся въ суздальской монастырской тюрьмѣ, и въ то же время выражалась надежда на скорое освобожденіе несчастныхъ узниковъ. Статья эта, вызвавшая пріостановку „Голоса“, произвела тогда сильное впечатлѣніе на русское общество, которое впервые узнало изъ нея о томъ, что въ монастырскихъ казематахъ цѣлые десятки лѣтъ сидятъ старообрядческіе епископы... Съ тѣхъ поръ прошло еще два года.

Утромъ 8-го сентября 1881 года въ суздальской почтово-телеграфной конторѣ получились двѣ очень важныя телеграммы на имя настоятеля Спасо-Евфиміева монастыря архимандрита Досиѳея. Одна изъ телеграммъ была изъ Петербурга, другая—изъ Владимира. По полученіи телеграммъ начальникъ конторы, не теряя ни одной минуты времени, отправилъ телеграфиста въ монастырь.

Когда келейникъ, состоящій при архимандритѣ Досиөеѣ, доложилъ ему, что принесли двѣ телеграммы на его имя, о. настоятель заволновался. Распечатавъ дрожащими руками одну изъ телеграммъ, онъ съ волненіемъ взглянулъ на подпись. Тамъ стояли слова: „министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатьевъ". Досиөей впился въ телеграмму, состоявшую изъ слѣдующихъ строкъ:

„Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, всемилостивѣйше соизволилъ на освобожденіе старообрядцевъ Аркадія, Конона и Геннадія изъ монастырскаго заключенія, съ недопущеніемъ мѣстожительства ихъ въ столицахъ и раскольническихъ центрахъ и съ тѣмъ, чтобы Геннадій предварительно освобожденія его былъ подвергнутъ освидѣтельствованію способностей, о чемъ мною сообщается оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и губернатору".

Архимандритъ Досиөей спѣшитъ распечатать другую телеграмму, также адресованную на его имя. Въ телеграммѣ стояло: „Сегодня къ вечеру пріѣду въ Суздаль. Если не стѣсню, переночую у васъ. Губернаторъ Судіенко".

Это произошло 8-го сентября 1881 года. Въ виду особенной важности полученныхъ телеграммъ настоятель монастыря счелъ нужнымъ помѣтить не только мѣсяцъ и число ихъ полученія, но даже часъ и минуты. На обѣихъ телеграммахъ сверху рукою Досиөея написано: „Получено 8-го сентября 1881 года, въ 11 часовъ 45 минутъ".

Къ вечеру, дѣйствительно, пріѣхалъ губернаторъ М. І. Судіенко и остановился въ монастырѣ, въ квартирѣ архимандрита, гдѣ на случай пріѣзда важныхъ и чиновныхъ гостей имѣются особыя комнаты.

На другой день, 9-го сентября, находившимся въ *монастырской* тюрьмѣ старообрядческимъ архіереямъ

Аркадію, Конону и Геннадію было объявлено объ освобожденіи ихъ государемъ императоромъ отъ заключенія на условіяхъ, указанныхъ въ телеграммѣ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева. Затѣмъ въ присутствіи губернатора и „градскихъ депутатовъ" консиліумъ врачей свидѣтельствовалъ умственныя способности епископа Геннадія. Слѣдуетъ думать, что результатъ этого освидѣтельствованія былъ благопріятный для Геннадія, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ другими былъ тогда же выпущенъ на свободу.

Освобожденные епископы не замедлили, разумѣется, покинуть монастырь, съ его тюрьмой, въ которой имъ пришлось такъ долго томиться, такъ много выстрадать. 10-го сентября всѣ они „выбыли изъ монастыря въ вѣдѣніе гражданскаго начальства, въ мѣста жительства, ими себѣ избранныя". Такъ, въ послѣдній разъ, доносилъ о нихъ архимандритъ Досиѳей министру внутреннихъ дѣлъ, графу Игнатьеву.

Одновременно съ этимъ онъ донесъ владимірскому епископу Ѳеогносту [1]), что „во исполненіе Высочайшей воли его величества государя императора, сообщенной ему его сіятельствомъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, старообрядцы, находившіеся въ монастырскомъ заключеніи, Аркадій, Кононъ и Геннадій, 9-го сентября освобождены изъ онаго при непосредственномъ распоряженіи г. губернатора. Вмѣстѣ съ этимъ архимандритъ Досиѳей счелъ необходимымъ сообщить епископу Ѳеогносту, что „Аркадій и Кононъ отправились изъ Суздаля въ г. Владиміръ, а Геннадій—въ Казань".

Впрочемъ, въ Казани Геннадій пробылъ не долго, такъ какъ вскорѣ переѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ онъ

1) *Впослѣдствіи*—кіевскому митрополиту, недавно умершему.

и обосновался на постоянное житье. Здѣсь своею дѣятельностью въ качествѣ старообрядческаго епископа онъ вооружилъ противъ себя духовныя власти, со стороны которыхъ послѣдовалъ цѣлый рядъ доносовъ на Геннадія.

Въ самомъ началѣ 1884 года надъ Геннадіемъ снова стряслась бѣда. Харьковское епархіальное начальство, находя пребываніе Геннадія въ Харьковѣ вреднымъ и небезопаснымъ, возбудило ходатайство о высылкѣ его изъ этого города. Ходатайство это было поддержано, вслѣдствіе чего 26-го января 1884 года состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго „проживавшій въ Харьковѣ подъ надзоромъ полиціи крестьянинъ Пермской губерніи Григорій Бѣляевъ, — онъ же лжеепископъ Геннадій, — былъ назначенъ къ высылкѣ изъ Харькова въ г. Виндаву, Курляндской губерніи“.

Объ этомъ распоряженіи было тогда же объявлено Геннадію. „Между тѣмъ, изъ полученныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ курляндскаго губернатора и частнымъ путемъ свѣдѣній оказалось, что названный раскольникъ, вопреки упомянутому Высочайшему повелѣнію, отправился не въ г. Виндаву, а въ г. Хвалынскъ, Саратовской губ., а оттуда въ Уфимскую губернію, на Златоустовскій заводъ.

Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ г. синодальному оберъ-прокурору съ вопросомъ, „не признаетъ ли онъ необходимымъ, для прекращенія дальнѣйшихъ противозаконныхъ дѣйствій крестьянина Бѣляева, вновь подвергнуть его заключенію въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь“. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода выразилъ свое согласіе на эту мѣру. Вскорѣ послѣ этого управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ

этомъ къ государю императору, и его императорское величество въ 7-й день іюня 1884 года Высочайше повелѣть соизволилъ: крестьянина Григорія Бѣляева (лжеепископа Геннадія) за противозаконныя его дѣйствія подвергнуть вновь заключенію въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, заслушавъ предложеніе по этому поводу синодальнаго оберъ-прокурора отъ 21-го іюня того же 1884 года за № 2952, въ которомъ былъ подробно изложенъ весь ходъ дѣла, приказалъ: „о содержаніи настоящаго предложенія дать знать владимирскому преосвященному, предписавъ ему сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи за лжеепископомъ Геннадіемъ со стороны монастырскаго начальства строгаго надзора".

Получивъ этотъ указъ Святѣйшаго Синода, владимирскій епископъ Θеогностъ усомнился: гдѣ и какъ слѣдуетъ содержать Геннадія, т.-е. въ числѣ братіи монастыря, на волѣ, или же въ арестантскомъ отдѣленіи. О разрѣшеніи своего недоумѣнія онъ запросилъ Святѣйшій Синодъ, который отвѣтилъ, что Геннадія слѣдуетъ содержать въ арестантскомъ отдѣленіи. Мѣра эта, однако, не была приведена въ исполненіе, такъ какъ Геннадій, зная по горькому опыту, что такое монастырское заточеніе, предпочелъ оставить Россію и бѣжалъ въ Австрію, къ тамошнимъ старообрядцамъ... Тамъ онъ и умеръ.

Давно умерли также и Аркадій и Кононъ. О послѣднемъ въ годъ его смерти нами былъ напечатанъ довольно подробный некрологъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", 1884 г., въ № 24. Такъ какъ некрологъ этотъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній относительно условій жизни Конона и Аркадія въ суздальскомъ монастырѣ, то мы и позволимъ себѣ привести его здѣсь лишь съ небольшими сокращеніями.

„Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти одного изъ старѣйшихъ старообрядческихъ епископовъ—Конона, умершаго 21-го января въ городѣ Владимирѣ-на-Клязьмѣ, гдѣ онъ жилъ послѣдніе годы на покоѣ. Печальная судьба этого „древле-церковнаго святителя“, его замѣчательная нравственная стойкость, обнаруженная имъ въ дѣлѣ отстаиванія своихъ завѣтныхъ убѣжденій,—все это даетъ ему несомнѣнное право на общественное вниманіе, а потому, мы полагаемъ, будетъ нелишне почтить его память нѣсколькими словами.

„Кононъ, въ мірѣ Козьма Трофимовичъ Смирновъ, сынъ донского казака Есауловской станицы, родился 12-го октября 1798 года. Какъ казакъ, онъ сначала служилъ въ военной службѣ, но, пробывъ установленныя тогдашними правилами 25 лѣтъ, вышелъ въ отставку и, спустя нѣкоторое время, принялъ монашество. Вскорѣ добродѣтельная жизнь обратила на него вниманіе старообрядцевъ, и вслѣдствіе приговора общества въ 1853 году онъ былъ посвященъ въ санъ епископа зыбковскаго (слободы Черниговской губерніи). Самое рукоположеніе Конона въ епископы совершено было въ Австріи, бѣлокриницкимъ митрополитомъ Кирилломъ. Возвратившись въ Россію, Кононъ около пяти лѣтъ исправлялъ обязанности старообрядческаго епископа, но въ 1858 г., во время пребыванія его въ Кіевской губерніи, онъ былъ арестованъ за носимое имъ званіе и затѣмъ заточенъ въ суздальскую крѣпость, находящуюся при Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.

„Здѣсь, въ суровомъ заточеніи монастырскаго каземата, епископъ Кононъ провелъ почти цѣлую четверть вѣка, а именно—двадцать три года. Особенно *тяжело было* его положеніе въ теченіе первыхъ *восьми лѣтъ*, которыя ему пришлось высидѣть въ